ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ.

ИСТОРИЯ

под редакцией

С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, М. Д. Приселкова.

Вып. I.

Л. П. Карсавин.

Введение в Историю

(Теория истории).



«НАУКА И ШКОЛА»
ПЕТЕРБУРГ
1920.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Историческая серия «Введения в Науку» ставит себе целью облегчить всем, желающим серьезно и научно заняться историей, а, в частности, учащимся, первые шаги их самостоятельной работы. «Введение в Историю» должно, таким образом, явиться введением в научный исторический труд, и только этим путем, а не путем несистематического чтения исторических книг, особенно же общих обзоров и так называемых «Всеобщих Историй», можно, по глубокому убеждению редакции, действительно познакомиться с историей, понять ее методы и дух, усвоить «историческое мышление».

Все издание будет выходить выпусками, размером от 3—5 листов каждый, по следующему плану: I. Введение в историю (вып. 1—2), II. Первобытная культура (вып. 3). III. Классический Восток (Египет и Передняя Азия, вып. 4—5), IV. Греция (вып. 6—7), V. Рим (вып. 8—9), VI. Западная Европа в Средние Века (вып. 10—12), VII. Западная Европа в Новое Время (вып. 13—16), VIII. Девятнадцатый Век (вып. 17—18), IX. Византия (вып. 19—20), X. Славяне (вып. 21), XI. Мусульманский мир (вып 22), XII. Иран (вып. 23), XIII. Индия (вып. 24), XIV. Китай (вып. 25), XV. Япония (вып. 26), XVI. Средняя Азия (вып. 27), XVII. Христианский Восток (вып. 28), XVIII. Кавказ (вып. 29), XIX. Америка и колонии (вып. 30 — 31), XX. Россия (вып. 32—35).

В составлении отдельных выпусков выразили согласие принять участие следующие лица: проф. Л. П. Карсавин, акад. Б. А. Тураев, проф. С. А. Жебелев, проф. О. А. Добиаш-Рождественская, проф. А. Г. Вульфиус, проф. Е. В. Тарле, акад. В. В. Бартольд, акад. С. Ф. Ольденбург, проф. В. М. Алексеев, проф. С. Г. Елисеев, проф. Б. Я. Владимирцев, акад. Н. Я. Марр, проф. М. Д. Приселков.

Составитель первого выпуска приносит живейшую благодарность за ценные советы и указания своим соредакторам и всем, помогшим ему своими замечаниями и дополнениями, оговариваясь, что ответственность за высказанные в отделе I взгляды и соображения всецело и исключительно принимает на себя. В отделе IV №№ 1—12 составлены С. А. Жебелевым, №№ 31—36—М. Д. Приселковым.

Второй выпуск будет посвящен обзору развития исторической науки в ее целом.

Приступающему к занятиям историей необходимо, прежде всего, получить ответы на вопросы: что такое история? каковы ее цели и каковы методы изучения исторического материала? в чем заключаются особенности, а, следовательно, и значение исторического мышления? В области остальных наук все подобные вопросы решаются в общем легко и единообразно, делаясь спорными и сложными лишь при дальнейшем, более глубоком их изучении. В истории же именно они и вызывают самые сильные разногласия и между историками-специалистами, и между философами, занимающимися теорией истории *), и между теми и другими. Обычно историк находит ответы на все указанные вопросы лишь после долгой специальной работы, но и эти ответы удовлетворяют очень немногих. Отсюда следует, что всякий сам должен искать ответов на свои запросы, и все «введения» могут быть ему полезны лишь как первоначальные ориентирующие указания и советы, а отнюдь не представляют собою изложение бесспорных общепринятых положений.

Разумеется, лучшим из путей к самостоятельному решению намеченных вопросов является приобщение занимающегося к самой исторической работе, т.-е. внимательное изучение классических трудов по истории, еще более того изучение специальных исторических исследований, главным же образом—исторических источников. Только таким путем приобретается достаточно обширный материал для критики чужих взглядов и для самостоятельных построений в области теории истории, а руководящие принципы исторической науки получают свое обоснование и раскрывают свой смысл. Однако, чтобы уловить самые эти принципы, знакомства, хотя бы и основательного, с образцовыми трудами и специальными исследованиями недостаточно, а потому параллельно необходимо также изучение литературы по теории истории, где упо-

*) Под «теорией истории» следует разуметь науку, которая изучает сущность и свойства исторического процесса и познавания его, в отличие от «философии истории», изучающей те же вопросы и сам исторический процесс в связи с Абсолютным.

мянутые принципы выдвинуты на первое место. Но, в виду обширности «методологической» литературы, спорности и пестроты высказываемых в ней мнений и теорий простые ссылки на нее, даже сопровождаемые критическими отзывами (к тому же неизбежно субъективными), почти бесполезны. Нужны первоначальные ориентирующие в ней или, точнее, вводящие в круг ее проблем указания, а такие указания, как ясно из сказанного, по необходимости должны определяться индивидуальными взглядами того, кто их дает, и носить догматический характер. Ориентируя в литературе, приходится исходить из той или иной, старой или оригинальной, точки зрения на историю, отдавая себе вполне ясный отчет в невозможности так называемого «объективного» изложения чужих взглядов (на самом деле и не существующего) и в единственной полезности подхода к самостоятельному построению чрез критику одной из теорий, взятой за исходную. Для этого необходимо, прежде всего, изложить такую «систему» теории истории, и подобному изложению автор придает несравнимо большее пропедевтическое значение, чем обзору теорий, неизбежно сжатому и, следовательно, неясному.

Так, сам собою, намечается план настоящего «введения». Первая часть его отводится сжатому догматическому изложению взглядов автора на историю. Цель этого очерка не в том, чтобы дать читателю готовую схему и систему бесспорных истин, которые бы читатель мог раз навсегда усвоить и ею руководствоваться. Подобное отношение к нему может быть для самостоятельной работы только вредным. Автор стремится выдвинуть систему основных проблем теории истории, указать на их природу и тем самым подвести читателя к самостоятельной работе в сфере этих проблем и критике его, автора, взглядов. Весьма возможно, что непривычному читателю придется, и не раз, возвращаться к данной части «введения», возможно также, что оно покажется начинающему слишком трудным и сжатым. В последнем случае он может обратиться к нему по ознакомлении с книгами и статьями, указанными в части второй—№№ 1—6.

Вторая часть содержит краткие указания для приступающего к ознакомлению с литературой по вопросам теории исто-

рии, причем выбор тех, а не иных книг, помимо их доступности и педагогической пригодности, определяется еще, с одной стороны, их ценностью (конечно, с точки зрения автора), с другой—желанием автора держаться в пределах теории истории, не заходя слишком далеко в область философии истории, которой посвящен особый выпуск философской серии «Введения в Науку». В нем читатель сможет найти дополнительные сведения и указания.

Наконец, в третьей части приводится список вопросов и связанных с ними исторических исследований, преимущественно небольших, и, где это возможно, источников. Изучение одного или нескольких из приведенных вопросов, выбранных уже самим занимающимся, в соответствии с его интересами и запросами, и может служить самым лучшим введением в процесс исторической работы. Наряду с этим, указаны и некоторые классические труды, ознакомление с которыми является в высшей степени важным дополнением и к специальным работам и к чтению книг по теории истории. Зато автор счел вполне возможным не приводить перечня так называемых «всеобщих историй». Большинство индивидуальных построений «всемирно-исторического» процесса относится к прошлому и успело устареть. Новые же труды представляют собою более или менее неудачное и внешнее соединение отдельных обзоров, обработанных многими и чаще всего по-разному смотрящими на историю специалистами. В них, таким образом, нет и не может быть того, чего мы требуем от «всемирной» или «всеобщей» истории, т.-е. внутреннего, органического синтеза и единства. В лучшем случае, они являются собранием хороших популярных монографий или полезными учебниками, как Weltgeschichte Вебера (в 4-х томах, 21-е издание, под редакцией А. Бальдамуса, I и II т. в 22 изд. 1911, г. Русский перевод с совершенно устаревшего первого издания — «Курс всеобщей истории доктора Георга Вебера, перев. Е. и В. Корша, т.т. I—IV, М. 1860—61 г.).

Во избежание недоразумений, отметим, что план этого выпуска вовсе не должен рассматриваться, как обязательный план работы. Такой план непременно должен быть индивидуальным, а, следовательно, его может составить лишь сам

занимающийся. Предначертывать схему занятий, по мнению составителя выпуска, и бесполезно и даже вредно не только в виду различия интересов и подготовки читателей, но и по существу, так как всякая внешняя схема способна принести лишь отрицательные результаты. Однако, автор полагает, что во всяком индивидуальном плане должны быть указываемые в данном выпуске элементы, хотя, может быть, и не в том порядке, в каком они рассмотрены здесь. В таком случае, «Введение в Историю» сможет сполна выполнить свою задачу, указав и основные проблемы и основной материал.

I.

Основные вопросы теории истории.

Предметом истории является человечество в его социальном (т.-е. общественном, политическом, материально- и духовно-культурном) развитии. Развитие же, понимаемое нами отнюдь не в смысле прогресса (о чем будет сказано ниже), представляет собою непрерывный процесс изменений, в котором для нас нечто обладает полною актуальностью, как настоящее, нечто утратило ее, перейдя в прошлое, нечто еще не наступило. В противность некоторым из новейших теоретиков истории (см. II, 24), мы настаиваем на понятии развития и развития непрерывного, отвергая замену его понятием «изменений», и не усматриваем в «развитии» ничего отрицающего свободу воли и целеполагающую деятельность человека: и то и другое может быть в пределах развития оправдано и философски и простым указанием на тот факт, что история изучает лишь прошлое человечества. Действительно, как бы ни был свободен человек и какие бы цели себе ни ставил, все его поступки мотивированы и входят в органическую связь со средою, со всем единством исторического процесса, а потому и не могут быть восприняты в обособленности или оторванности от окружающего, хотя в настоящем, полагая себе цели и отвлекаясь от порождающего эти цели единства нашего душевного процесса и мира, мы и представляем себе их именно в такой оторванности от всего.

Как непрерывный и единый процесс, развитие мыслимо только в смысле развития единого, всегда себе по существу тожественного с у б ъ е к т а, «с о ц и а л ь н о - д е я т е л ь н о г о ч е л о в е ч е с т в а» *); и в этом субъекте должны сразу заключаться, как не погибающее для него прошлое, так и уже существующее для него будущее. Иначе бы он не являлся основанием или принципом единства процесса и развития быть не могло. Развитие без субъекта существовать не может, потому что тогда невозможно сохранить единство и непрерывность самого развития. Тогда придется отказаться от идеи развития или понимать его в смысле внешней совокупности отделенных друг от друга моментов, так сказать, атомизировать его, что уже является его отрицанием. Выдвигая начало развития, как основание истории, мы тем самым отказываемся от такого понимания исторического процесса, какое обычно применяется к рассмотрению внешнего мира, т.-е. от понимания механического, и от применения к этому процессу Юмовски-Кантовского понятия причинности. Нам придется подробнее коснуться этого ниже, но уже теперь следует отметить, что идея развития резко отделяет нас от всяких попыток понимать и строить исторический процесс, исходя из представления о внешней совокупности обособленных друг от друга и естественно-причинно связуемых друг с другом «фактов» и «факторов», точка зрения, свойственная и обычному взгляду на историю и, в значительной мере, Риккертовской (см. II, 70—74) теории. Идея развития несомненно—и это будет ясно в дальнейшем—связана с определенною метафизикой. Но со столь же определенной, хотя и другой метафизикой связано и атомистически-механистическое понимание

*) При этом понятие развития, как выяснится далее, п р а к т и ч е с к и и временно ограничивает поле исторического изучения. Для историка человечество важно лишь постольку, поскольку оно социально-деятельно (т. е. созидает культуру) или культурно. Таким образом можно говорить о некультурных народах, как о «неисторических»: в них мы не усматриваем развития и связи с единым историческим процессом. С другой стороны, вполне естественно, что круг «неисторических» народов условен и установление его зависит от наших знаний о них и об их отношении к «культурному» или «историческому» человечеству.

общества и совершающихся в нем изменений. Теория истории возможна только на почве той или иной метафизической теории; убеждение же в возможности позитивной теории, чуждой всяких метафизических предпосылок, свидетельствует не о «научности» или «критичности» высказывающих подобное убеждение, а о непродуманности и незавершенности системы их взглядов. Даже отказ от высказывания решительных суждений по основным вопросам в смысле пресловутого «агностицизма» по существу своему уже содержит в себе некоторые решительные высказывания и, следовательно, метафизические предпосылки. И, разумеется, не к чести агностициста служит то, что он своей метафизики не опознает. Всеми этими соображениями и объясняется, почему настоящий очерк, ограниченный проблемами теории истории, дает в значительной степени догматическое их изложение.

Итак, чтобы могли существовать развитие и наука о нем, субъект развития должен быть всевременным и всепространственным единством, по крайней мере, в пределах всего исторического процесса, от начала его и до конца. В то же самое время это единство субъекта должно совмещаться с многообразием его проявлений, т.-е. быть именно единством, так как развивается он сам, а не что-то иное, по отношению к нему внешнее; и проявления, как бы ни разнообразны они были, должны быть реальными, а не иллюзорными, т.-е. уничтожающими само развитие. Такое понимание субъекта социального развития, намеченное до известной степени, уже в метафорах Контовского «позитивизма» *), может показаться противоречивым. Обосновать и объяснить его—дело философии. Для историка же и для теоретика истории необходимо принять его в качестве неизбежного основоположения, если только они не хотят отказаться от идеи развития. Мало этого.—Если не могут быть иллюзией видоизменения субъекта развития, то и сам субъект, социально-деятельное человечество, не может быть ни абстракцией, ни простою совокупностью бесконечного числа индивидуумов. Он —

*) Ср. Влад. Соловьев. Идея человечества у Августа Конта, 1898. Собрание сочин. (2-е изд.) т. IX. стр. 172—193.

вполне реальное единство, проявляющееся в деятельности всякого исторического индивидуума, в том числе и индивидуумов коллективных, как народ, семья и т. п., но не уничтожающее этим индивидуума в реальности его и его проявлений. Если бы социально-дятельное человечество было абстракцией, исторический процесс не обладал бы реальностью; если бы оно было простою совокупностью всех людей, не было бы ни его самого, ни развития. Понятно, что, поскольку возможны «истории» народа, государства, класса, семьи и т. д., мы должны и в них предположить подобное же реальное единство или реального субъекта развития, не предрешая, однако, вопроса о степени и полноте индивидуализации этих реальных субъектов.

Из единства субъекта развития вытекает и единство его социальной деятельности. Таким образом, различные формы социальной деятельности—экономическая, политическая, философская, религиозная и т. д.—будучи и оставаясь в некотором отношении различными, должны в то же самое время быть одною деятельностью. В каждой форме ее целостно проявляется единый субъект, который не может проявляться частично, т.-е. не целостно, именно как единый. Точно также в моей жизни весь я целостно мыслю, хочу и т. п., а не то, чтобы хотела одна часть моего я, мыслила другая, чувствовала третья и т. д. Нельзя представлять себе соотношение различных форм социальной деятельности так, будто они обособлены, отдельны друг от друга и только слагают единство социальной деятельности. Нельзя потому, что единство не есть нечто слагаемое из частей: из сложения атомов единства не получится, как не получится ничего, кроме кучи, из собранных в одно место песчинок. Единство мыслимо лишь как единство множества, но это оно ставит множество, а не множество его созидает. Многообразные формы социальной деятельности, реальные каждая в своей отличности, укоренены в единстве этой деятельности, являясь ее формами, аспектами и проявлениями. Установленное выше в применении к вертикальному разрезу исторического процесса, неизбежно применимо и к горизонтальному его разрезу.

Если приведенные рассуждения правильны, является

весьма существенным в историческом исследовании не упускать из поля зрения единства различных форм социальной деятельности. Но единство так называемой материальной деятельности с психической можно усмотреть только в психическом моменте, так как всякая социальная деятельность прежде всего душевна, руководствуемая не материей, а потребностями, желаниями и т. д., т.-е. фактами порядка психического. Настаивать на этом тем более излишне, что даже для самых правоверных «исторических материалистов», вроде Каутского, ныне психичность исторического процесса сомнению не подвержена: они спорят только о том, какие из душевных потребностей важнее—голод или жажда истины. Итак, социальная деятельность есть социально-психическая деятельность, и истории по праву принадлежит оспариваемое у нее теперь некоторыми место в ряду «наук о духе», Geisteswissenschaften, на чем в последнее время столь энергично настаивал Дильтей (II, 65—67).

Определяя историю, как психически-социальное развитие человечества, мы уже вскрываем специфические особенности исторического понимания явлений, т.-е. исторического метода. Психичность и непрерывность позволяют сближать исторический процесс с нашим собственным душевным развитием, с непрерывным видоизменяющимся потоком нашей душевной жизни. Поскольку мы рассматриваем этот поток в нем самом, отвлекаясь от взаимоотношения его с другими процессами: от его воздействия на них и их воздействия на него, он определяется в своем развитии или развертывании собственною своею природой. Он не слагается из разнородных элементов, не составляется из атомов, а целостно течет извнутри себя самого. В нем все непрерывно переливается, принимая многоразличнейшие формы, но не перестает быть единством, охватывается всевременным единством я. Он безусловно свободен в смысле отсутствия какой бы то ни было внешней необходимости и отсутствия внутренней раздвоенности и безусловно необходим в смысле совпадения его свободы с самою его природой. Ни о какой причинной связи внутри этого душевного процесса говорить нельзя, так как

причинное взаимоотношение предполагает разъединенность, «первое» и «второе», А и В, а в едином непрерывном процессе нет перерывов и моментов, нет атомов и пустоты, но есть только вечные переливы. Поэтому и убедительность или необходимость психического процесса покоится не на причинности, а на непосредственном переживании его, как свободно-необходимого моего процесса.

Однако, психический процесс видоизменяется, не переставая быть самим собою, отклоняется от своего пути под влиянием воздействий на него извне; с другой стороны, он и сам меняет свой путь, воздействуя на внешний для него мир. Собственно говоря, только в таком виде душевный процесс и дан нам во всей своей конкретности. Но это ни в коем случае не позволяет предполагать его нереальность и считать приведенное выше описание его существа чистою абстракцией. Только признав реальность душевного процесса в том виде, как он изображен нами, только усмотрев в этих чертах, а не во внешних воздействиях и скрещивающихся влияниях его подлинное существо, можно понять и объяснить личность, неповторимое в своеобразии своем единство. Ведь ее не объяснить, как случайный (и даже неслучайный) результат взаимодействия пересекающих в одной точке простую бескачественную среду влияний, как эффект столкновения бессмысленно несущихся атомов. Или мы ошибаемся, но тогда не должно быть ни душевного процесса, ни единства душевной жизни и самосознания, ни познания; или мы правы, но в таком случае вся душевная жизнь в основе своей и в своем течении и есть тот самый душевный процесс, о котором мы говорим.

В конкретной душевной жизни находящиеся во взаимодействии «я» и «не-я» пртивостоят друг другу, как две особых величины, две субстанции, и мы говорим о душе—причине телесных явлений и о телесных явлениях—причинах изменений в течении душевного процесса. Но в душевном опыте причинное взаимоотношение дано нам богаче и полнее, чем во внешнем мире. В себе мы непосредственно переживаем и наше действие (причинение) и испытывание действия («страдание»), о которых во внешнем мире часто принуждены

лишь гадать. Психическая причинность отнюдь не последовательность или сосуществование двух «явлений», условно намечаемых и обособляемых «А» и «В», каковое понимание причинности обычно, хотя и неправильно применяется к объяснению внешнего мира. В душевном опыте над дано влияние (в точном смысле этого слова, требующем предлога «в») в наш душевный поток иной, отличной от него силы или, наоборот, излияние этого потока (моего «акта») во вне на другую, лучше—в другую субстанцию. И мы, в связи с этим, переживаем если и не первичное единство «я» и «не-я», без которого невозможно описанное их взаимодействие, то их объединение или—обнаружение их первичного единства в процессе взаимодействия-слияния. Здесь, в этом единстве, нам дан конкретный исходный факт для понимания единства мира, как включающего мой частный процесс процесса развития, факт, чрезвычайно существенный и для истории, потому что без установления первичной связи «я» и «не-я» невозможно установить и единство социального процесса (в котором «не-я» является «другими» я). Равным образом, еще раз получает подтверждение выдвинутая нами точка зрения о первичности и первоосновности процесса развития, как такового, потому что и причинные взаимоотношения оказываются объяснимыми лишь в смысле проявлений более объемлющего процесса *).

Пока и поскольку естественные науки и обычное сознание довольствуются внешним или механическим, Юмовски-Кантовским пониманием причинности, мы вправе говорить о психической причинности. Однако, оговоримся, что это понятие не совпадает с тем, что обозначает этим термином Вундт и что подхвачено рядом теоретиков истории (II, 39, 16). В частности, необходимо подчеркнуть, что Вундтовский «закон творческого синтеза», т.-е. появления в следствии или действии нового, невыводимого из причин, объясняется, на наш взгляд, не особенностями психической причинности, а природою самого процесса развития, которое объемлет и прошлое и будущее и мыслимо только, как их единство. То же самое, конечно, следует сказать и о «законе

*) Ср. анализ причинности в «Логике» Х. Зигварта. См. II, 64.

творческого синтеза» в применении к историческому процессу.

Таким образом, для изучающего развитие причинение воспринимается лишь в связи с процессом развития, ощущаемом непосредственно. Исходным моментом и основанием для него является сам, вполне реальный и единый, процесс развития, делающий возможным всякое взаимодействие и причинение. Поэтому для исследователя душевного развития все вопросы о взаимодействии данного процесса с иными внешними ему процессами или явлениями должны стоять на втором месте, и он, конечно, отказался бы от своей задачи, пытаясь объяснить само развитие из причинного взаимодействия. Однако, этим вовсе не уничтожается вспомогательное значение причинного об'яснения, необходимого постольку, поскольку мы ограничиваем поле изучения данным единичным процессом в его отрыве от всеединства. Только путем восхождения на высшую точку зрения, усматривающую единство причиняющего с объектом причинения и позволяющую видеть в причинно-связуемых процессах разные формы основного высшего процесса развития, мы все более преодолеваем объяснение причинное. Пока этого нет, некоторая двойственность понимания конкретной душевной жизни и конкретного социально-психического процесса неизбежна и необходима.

Теперь нам должна быть ясна задача изучения социально-психического процесса. Она заключается в понимании и изображении его, как внутренно-необходимого, что является тем же, по природе своей, пониманием, которое мы наблюдаем при объяснении душевного развития вообще. Но понимание и чужого душевного развития и развития социально-психического возможно лишь путем сопереживания или вживания в них, вчувствования (Einfühlung). На этом моменте или на этом основании исторического метода с особенною энергиею настаивает Дильтей, в чем и заключается одна из его главных заслуг перед теорией истории. О том же в своих «Проблемах философии истории» писал и Зиммель *). Сопереживание

*) Г. Зиммель. Проблемы философии истории. Перевод под ред. В. Н. Линда (очень тяжелый и шероховатый). М. 1898, гл. I. G. Simmel

лежит в основе исторического мышления. Тем более следует остерегаться толковать его, как «перенесение из полноты собственных переживаний» (Дильтей), как конструирование иного душевного процесса по аналогии с моим и только из моего. Подобное толкование позволит сблизить историю с поэзией (и то относительно—в поэтическом творчестве свободы менее, чем мы предполагаем), но не даст возможности серьезно отнестись к выводам истории и обосновать ее, как науку. Для историка необходимою предпосылкою его науки является не только и не главным образом его субъективное переживание, а реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним, как бы такое вживание в чужую индивидуальную и коллективную душу ни объяснялось. Для него оно факт, и всякое объяснение, сводящее этот факт на иллюзию или самообман, им признано быть не может. Ниже нам еще придется коснуться условий и природы вживания, хотя мы и устраняем от себя задачу философского его объяснения. Пока заметим, что, на наш взгляд, этот чрезвычайно тонкий и глубоко проникающий метод, который позволяет улавливать малейшие извивы чужой душевной жизни и по обрывкам воспроизводить целое, совершенно не объясним путем вульгарного сведения его на «законы» подражания и параллелизма душевных и телесных явлений. Подобное объяснение тем менее удовлетворительно, что «закон» параллелизма вовсе не закон, а все более подвергаемая сомнению гипотеза, «законы» же подражания в применении к области душевной жизни оказываются слишком грубыми и внешними *).

Во всяком случае, если история, как наука, возможна, в переживании нам даны подлинные душевные процессы других индивидуумов (личностей и коллективностей) и подлинный социально-психический процесс в его целостности. Иными словами: воспринимая действительность, мы восприни-

---

Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntniss-theoretische Studie, 3-e, erweiterte Auflage. Leipzig, 1907. Ср. II, 65—67.

*) О параллелизме телесных и душевных явлений см. статьи в «Новые идеи в философии» сборн. 8. Душа и тело.

маем ее в ее реальности, а не преобразуем ее, как полагает новокантианец Риккерт (II, 70—74). Всякое преобразование (Umformung) есть уже искажение преобразуемого и таким путем знания о действительности мы получить не можем: создаваемый нами, хотя бы из элементов действительности, фантастический образ, «построение» нашего ума, конечно, не удовлетворяют и никогда не удовлетворят нашей потребности в знании. Поэтому нельзя утверждать вместе с Риккертом, что в естественных науках мы обобщаем или «генерализируем», а в исторических—«индивидуализируем». Если даже,— о чем речь будет ниже,—Риккерт и прав в своем различении истории и естествознания по признаку общего-индивидуального, общее и индивидуальное могут и должны быть не плодом нашей умственной работы, но вполне реальными аспектами действительности, являющей нам то ту, то иную свою сторону.

Итак, задача историка заключается в постижении и изображении необходимого процесса развития человечества в его социально-психической деятельности чрез посредство сопереживания. И здесь основанием и главным объектом изучения будет сам единый процесс развития; такие же факты, как географические условия, биологические изменения и т. п., являются внешними, хотя и неустранимыми и существенными. В меру их неустранимости и существенности историку приходится прибегать к вспомогательным средствам объяснения—к понятию психической причинности и к условному понятию о факторах. Но и то и другое берется историком только по связи с самим процессом развития, т.-е. как переживаемое именно в данной связи со всем историческим целым. «Историческая причина» или «исторический фактор», взятые абстрактно, оказываются бледными, ничего не говорящими понятиями и уводят в сферу нескончаемых словопрений. Что касается так называемой естественно-научной причинности, т.-е. причинности в понимании Юма и Канта, она к историческому процессу неприменима совершенно, и не в силу присущих ей элементов до-научного мышления, как думает проф. Виппер (II, 20)—эти элементы легко устра-

нимы—а потому, что в истории немыслимы эксперимент и измерения, необходимые условия для внешнего установления причинной связи.

Применение к историческому процессу двойственного до некоторой степени метода—эволюционного и причинного, может быть устранено, если объектом изучения будет более общий процесс развития земли и жизни на ней, как целого, или даже развития мира. В пределах собственно истории оно неустранимо. Однако, и здесь не следует без необходимости расширять сферу причинного объяснения, что обычно ведет лишь к недоразумениям и спорам. Так условное, но в целях исследования вполне законное и полезное выделение «факторов» (экономического, политического, идеологического и т. д.)—ясно, что в данном случае речь идет о различных сторонах социально-психического процесса и применимы приведенные выше на этот счет соображения—сплошь да рядом ведет к постановке проблемы о их причинных взаимодействиях и к возникновению материалистических, идеологических и т. п. теорий [1]). При этом совершенно забывают о единстве социальной жизни, стремясь ее атомизировать [2]). Несомненно, существует своеобразный параллелизм развития указанных рядов и, например, религия в эпоху феодального строя не только отлична от религии капиталистического общества, а и обнаруживает глубокое сродство со всеми современными ей и «параллельными» рядами развития. Но дело тут не в том, что один ряд причиняет другой—такая постановка вопроса, как показывает историография, совершенно безнадежна, — а в том, что в обоих проявляется одна и та же «фаза» (со всеми оговорками об условности и этого термина) социального развития, в том, что оба они в некотором отношении составляют единство или укоренены в единстве. И вполне естественно—при сосредоточении на исследовании одного какого-

---

[1]) Приходится даже сталкиваться с еще более неожиданными и мнимыми проблемами, например—о влиянии возрождения на гуманизм или гуманизма на реформацию.

[2]) С этой точки зрения весьма поучительна выдвигаемая Ксенополом, как основной принцип исторического исследования, теория «серий». См. II, 18.

нибудь ряда и при недостаточном внимании к существу проблемы, одинаково убедительными представляются и доводы историков-материалистов и доводы историков-идеалистов, а споры их оказываются бесконечными и бесплодными (ср. Виппер—II, 20).

Всякая частная история, все равно—будет ли это история какого-нибудь культурного мира, народа, эпохи, учреждения, системы идей и т. д.—ограничивая объект своего изучения и до известной степени условно выделяя частный процесс, необходимо сталкивается с тою же проблемою двойственности объяснения. По мере ограничения объекта исследования и сужения поля зрения, количество фактов, которые являются внешними, все увеличивается, а вместе с тем умножаются и так называемые «факторы». К сожалению, слишком часто упускают из виду их смысл и чисто-методологическое значение и говорят об «исторических факторах» вообще, относя к их числу и географические условия, и «культурную традицию», и расу, и «среду», идею государства, классовое самосознание, личность и т. д., и т. д. При этом составители общих книг по теории и методологии истории останавливаются в недоуменном колебании перед непосильною задачею перечислить и классифицировать факторы и выяснить существо каждого, при ближайшем знакомстве оказывающегося чрезвычайно многозначным и неопределенным. Для историка же специалиста, сосредоточившегося на изучении мелких процессов, часто все историческое развитие представляется не чем иным, как причинною комбинацией разных факторов, что, конечно, вполне естественно, но глубоко неисторично и лишает историка всякой возможности понять исторический процесс, даже тот частный, который он изучает. После всего сказанного нет необходимости входить в подробный анализ разных учений о факторах и смущаться взглядами такого мастера истории, как Тэн (III, 15). Достаточно и здесь указать на многочисленные попытки причинно-исторических объяснений и построений со всею их спорностью и беспомощностью, особенно ясными там, где приходится иметь дело с рядом сложных и разнообразных явлений. И если будущие историки будут держаться оспариваемых нами взглядов, их, несомненно, приведет в отчаяние

безнадежность вопроса о причинах только что пережитой нами Великой Европейской войны.

Проблема влияния того или иного фактора решается сравнительно легко в каждом отдельном конкретном случае, в связи с данным моментом исторического процесса, разумеется, только в том случае, если природа и реальность фактора выяснены. Трудным и запутанным вопрос о факторах становится тогда, когда его пытаются разрешить в отвлеченно-общей, неисторической постановке, как «общее учение о факторах», столь излюбленное многими теоретиками истории. Эти же вопросы применимы и к одному из наиболее дебатируемых, в частности в русской литературе, вопросов: к вопросу о роли личности в истории. В том или ином конкретном случае влияние личности легко уловимо, хотя, конечно, и не поддается измерению. О нем, как о таковом, не приходится даже и спорить. Никто не станет излагать политики Карла Великого или Наполеона, развития протестанства или новой Германской Империи, не принимая во внимание Карла, Наполеона, Лютера и Бисмарка. Сомнения и споры начинаются тогда, когда стремятся определить влияние личности количественно, когда, за неимением реального эксперимента, пытаются поставить воображаемый и задают едва ли плодотворные вопросы: а что случилось бы, если бы вместо Наполеона был Ош (Hoche) или Журдан, если бы Бисмарк умер в молодости? и т. п. Подобные рассуждения недопустимы уже потому, что мы изучаем данный исторический процесс, в котором захватил власть именно Наполеон, а Бисмарк в молодости не умирал и которого мы изменить не в силах. В конце-концов, за такими вопросами скрывается другой, более общий: заменима ли данная личность другою, влияла ли она именно своею неповторимою индивидуальностью, только ей свойственными чертами? Очевидно, положительный ответ на первый вопрос и отрицательный на второй позволяют, пренебрегши данною личностью, как совершенно ничтожною величиной, сводить изучаемые факты к влияниям групп или масс и в действиях их усматривать единственную причину изменений. Но почему тогда не поставить того же вопроса и о влиянии групп?—Ответ может быть лишь один: потому что данные группы есть

нечто определенно-конкретное с явно-усматриваемыми влияниями их на составляющих их индивидуумов. Но есть ли тогда основание отрицать ту же определенность и конкретность и такие же очевидные влияния личности? Попытки отвергнуть значение личности принимают далее иную, более тонкую форму. Личность пытаются объяснить из среды, рассматривая ее, как своеобразный пункт пересечения разных влияний среды. Не говоря уже о невозможности подобным образом объяснить индивидуальность, сведение личности на среду не опровергает, а, напротив, утверждает ее значение и роль в историческом процессе. Ведь если личность—причинно-необходимый продукт среды, и как раз данная конкретная личность, она тем самым входит необходимым элементом в исторический процесс и именно своеобразием своим должна воздействовать на него. Повторяем, в конкретной связи исторического процесса влияние личности самоочевидно и неоспоримо: никакие теории здесь устранить этого влияния не могут. Но как только вопрос о роли личности в историческом процессе ставится в общей и отвлеченной форме, он—так же, как и вообще вопрос о факторах—становится источником не приводящих ни к какому результату споров. Это и естественно—в такой общей постановке вопроса выпадает целый ряд необходимых для его решения фактов. И, прежде всего, утрачивается восприятие реального процесса развития во всей его конкретности, по связи с которым постигается и определяется влияние на него личности. Затем, сама личность искусственно изъемлется из той исторической связи, из того единства или исторического организма, в которых оно только и воспринимается нами. Личность вне исторического процесса чистая абстракция, нереальное и непонятное. Подменить Наполеона Ошем можно только изменив весь исторический процесс, все, грубо и условно говоря, предпосылки их развития, всю окружающую их среду. Проблема роли личности, разумеется, весьма существенна, но разрешаться она должна или в конкретности данного процесса, где решение не представляет особых трудностей, или, в связи с обще-философской проблемой о бытии и взаимоотношении субстанций

во всеединстве, на чем здесь останавливаться мы не можем *).

Следует воздерживаться от резкого различения и противопоставления друг другу разных сторон исторического развития и от пренебрежения к его единству. Та же осторожность необходима по отношению к моментам или периодам исторического процесса. Нельзя забывать о частой условности наших периодизаций, требуемых целями специальных исследований, и о необходимости намечать периоды и моменты, исходя из исторического процесса в его целостности и единстве (ср. II, 24). Особенною искусственностью отличается обычно выделение того или иного частного процесса, а затем искание его генезиса. В искании генезиса хотят даже видеть отличительную черту новой научной истории, «генетической», в отличие от «прагматической» и повествующей. Разумеется, изучая данный процесс (всемирно-исторический или частный), историк обязан проследить его на всем его протяжении, так как он может быть понят лишь в целостности своего единства. Но, во-первых, для этого понимания начало, «зарождение» процесса ничуть не существеннее, чем его конец и чем любой из его моментов, тем более, что именно в темных не дифференцировавшихся началах несравненно труднее схватить подлинную природу самого процесса. Таким образом, предпочтение генезиса ничем не оправдано и новое наименование истории, как науки, по меньшей мере, одностороние и неудачно. Во-вторых, единство частного процесса органически включено в единство процесса общеисторического, а потому искание генезиса первого легко ведет к чрезмерному его обособлению и нарушению основного принципа исторического понимания. В-третьих, при

---

*) Ср. Т. Карлейль. Герои и героическое в истории. Перев. Яковенко. СПБ. 1891. Н. К. Михайловский. Герои и толпа. Полн. Собр. Сочин. т. VI Ср. №№ II, 16 (где на стр. 219 сл. приведен краткий и неполный обзор разных взглядов), 6, 20, 41—48. Н. И. Кареев. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд. СПБ. 1914, где указана литература. Влад. Соловьев. Оправдание добра ч. III гл. IX. (Собр. сочин. т. VIII, 2-е изд.). Обзор новейшей литературы см. H. Berr. La méthode statistique et la question des grands hommes в «Nouvelle Revue», 1894 (Ср. II, 21 стр. 74). Kistiakowsky (Б. А. Кистяковский) Gesellschaft und Einzelwesen.

изучении генезиса историк слишком часто увлекается причинными объяснениями и условно и относительно значимыми отвлечениями. Так вполне исторично изучение развития феодализма, но ничего, кроме общих рассуждений, не дают попытки найти «зарождение» его в «натуральном хозяйстве», «военном строе» и т. д., не дают уже потому, что слишком часто принимаемое за причины не что иное, как самый процесс или те либо иные стороны его, проецируемые в прошлое. Более удачным решением проблемы генезиса является «юридическая» постановка ее, т.-е. искание момента, когда возникает данное точно определенное понятие или учреждение или система (например, тот же феодализм). Но, по самому существу своему, такой подход к вопросу, классическим образцом которого может служить V том большого труда Фюстель де Куланжа (III, 18), должен оставаться внешним и не может объяснить самого факта зарождения, потому что указание элементов синтеза не есть объяснение самого синтеза и его принципа. Опять-таки и здесь верным спутником ошибочности подхода к проблеме или ее постановки является безрезультатность споров; и с этой точки зрения весьма показательно умирание целого ряда «генетических» проблем, например—идеи римской традиции в применении к средневековому городскому строю.

Единство социального развития, выясняемое нами, как основной принцип истории, не привносится в это развитие извне в виде постороннего упорядочивающего или даже созидающего его момента. Оно—организующее начало социального развития и—более того—само социальное развитие, сам развивающийся социально-психический субъект. В противном случае, как уже неоднократно указано, не могло бы существовать никакого развития. Будучи самим развивающимся субъектом, единство как бы пронизывает все развитие. Оно целостно выражается в каждом из его моментов и выражает в нем все прочие его моменты. Поэтому в развивающемся организме всякая его сторона, всякий его момент понятны только в связи целого, делая, в свою очередь, понятным это целое, а весь организм понятен только, как единство всех своих моментов и сторон. Единство—полное взаимопроникновение всех составляющих его элементов (если только можно го-

ворить об элементах единства даже условно), не уничтожающее их, как частные и включенные в него единства, но, напротив, созидающее и ставящее их. Если отказаться от такого понимания единства, придется отказаться и от развития и от возможности всякого его понимания и объяснения. Тогда развития просто нет, а, следовательно, и наука истории должна строиться на каком-то совершенно ином принципе.

Единый процесс развития может быть понят только в одном случае—именно, если нам каким-то образом ведом он весь, даже еще не наступивший конец его. В этом легко убеждает нас самое беглое наблюдение над развивающимся субъектом и организмом, особенно, когда мы изучаем развитие, имея перед глазами его цель. Действительно, в данный момент, в данном, так сказать, разрезе развития никакое самое тщательное наблюдение не в силах нам указать, что существенно для дальнейших стадий жизни организма, а что отомрет. Какая-нибудь еле заметная точка разростается в существеннейший орган, а то, что нам казалось существенным, быстро регрессирует и отмирает. Цель развития является путеводною нитью, позволяющей разобраться в бесконечном многообразии его проявлений или форм. Всякое развитие постигается целесообразно или телеологически, соответственно внутренней своей структуре. На это в свое время настойчиво указывали и Кант и немецкие идеалисты начала XIX в. и в этом еще нет ничего «метафизического». Но, хотя мы и склонны смешивать цель развития с концом его, на самом деле цель от конца отлична, и я затруднился бы видеть цель жизни какого-нибудь гениального философа в слабоумии и дряхлости его старческих дней. Цель или смысл развития—нечто, не связанное с тем или иным моментом его или, точнее, связанное со всеми его моментами. А потому и для уразумения развития недостаточно знать только его конец, но необходимо как-то знать все его моменты. И если многое уясняет и многое позволяет объяснить знание конца, то столь же многое в данной фазе развития уясняется другими, непосредственно за нею следующими и открывающими в ней иным путем неуловимые темные зародыши грядущего.

Очевидно, для понимания развиия, для понимания самого

частного и ограниченного процесса, включенного в него, надо обладать знанием об историческом процессе в его целом и, во всяком случае, знанием о его цели или смысле. А это возможно лишь в том случае, если каждая фаза развития выражает в себе его целокупность, благодаря чему и сама она становится понятною. Конечно, в данном частном процессе, в данном явлении мы познаем целое не в полноте его осуществленности, а в его принципах и основаниях, но все же мы его познаем и должны познавать для уразумения самого частного. Изучая историю какой-нибудь системы идей или учреждений, мы, следовательно, изучаем и познаем в них и единое социальное развитие, весь исторический процесс. Разумеется, такое познание не дает и не может нам дать возможности предвидеть и предсказывать конкретное будущее, потому что и познаем мы не конкретность всего исторического процесса, а—в данном конкретном единстве его общие основания. Можно смягчить видимую парадоксальность этих утверждений и сделать их более приемлемыми, указав на доступное наблюдению всякого аналогичное явление. При понимании чужой душевной жизни, как целого, при постижении чужой индивидуальности в ее единстве накопление наблюдений само по себе дает еще очень мало: можно знать о другом весьма большое количество фактов и все-таки его не понимать. Напротив, часто одна какая-нибудь черта, даже незначительная частность: тон голоса, движение, поворот головы и т. п. позволяют сразу охватить и понять всю личность, всю индивидуальность человека, почти чудесным и неожиданным образом постичь необходимость его внутреннего развития, подлинно понять его, хотя и не в том смысле, чтобы раскрылось его конкретное будущее или прошлоее. Такое понимание другой индивидуальности возможно и при малом с нею знакомстве, по «первому впечатлению», но, как правило, оно появляется в процессе наблюдения, освещая и объединяя познанное дробно и отрывочно.

Чрезвычайно трудно ответить на вопрос: что именно из единого исторического процесса указанным образом постигается в данном конкретном и частном процессе? Сделанная

выше ссылка на «общие принципы» его, на его «основания» довольно неопределенна и не выводит нас за пределы смутной интуиции. Мы не можем производить здесь специальное исследование по этому пункту и должны ограничить себя несколькими замечаниями.—Прежде всего, несомненно, что, изучая данный конкретный процесс, мы постигаем строение единого исторического процесса, как единства, и постигаем не путем отвлечения от данной конкретности, а путем вживания в само это единство. Мы познаем «всеобщую значимость» данного, изучаемого нами процесса, не в смысле причинной его связанности с другими, а в смысле укорененности его в обще-историческом. Наблюдение, вполне согласующееся со всеми высказанными выше соображениями. Далее, усматривая в частном процессе обще-историческое единство, мы вместе с тем переживаем связь этого процесса со всеми сторонами или моментами единого обще-исторического, переживаем и связь его с нами, находя себя самих в далеком прошлом и само всплывающее снова прошлое в нас самих. Иначе говоря, чрез постижение самого частного и ограниченного процесса происходит приобщение наше к нему и в нем к единому обще-историческому процессу развития или, вернее, опознание нами нашего с ним и в нем единства. Этою живою связью нашей со всем прошлым и со всем социально-психическим развитием и объясняются обогащение нашего сознания в исторической работе и тот интерес, с каким мы относимся к фактам минувшего. Вполне естественно, что многие считают интерес, наше субъективное состояние, принципом исторических изысканий и построений, часто даже преувеличивая его субъективность и заявляя: «я занимаюсь в истории тем, что мне нравится, что родственно и близко моей психике», «историк понимает только родственное ему», т.-е. интриган везде ищет интриги, идеалист—идеалы, материалист—«организацию производства». Точно что-нибудь человеческое может быть чуждым человеку! Видоизменением такой «эстетически-анархической» или вульгарной точки зрения являются попытки наметить «обще-значимые интересы», которые, оставаясь

субъективными в смысле наличности их только в изучающем и познающем субъекте, в то же самое время обладали бы объективным общеобязательным значением. За такими интересами, с легкой руки Риккерта (II, 70—74), установилось наименование «ценностей». Однако, общеобязательные ценности должны быть действительно объективными и составлять, к чему и приходит Риккерт, особое царство, являющееся бледным и искаженным отображением Платоновского мира идей. Это царство так же лежит вне познающего субъекта, как и сам исторический процесс: познающий субъект словно поставлен между ними для того, чтобы с помощью ценностей или «отнесения к ценностям» упрощать или индивидуализировать реальный исторический процесс и таким образом создавать еще нечто четвертое—«преобразованную» реальность. Совершенно очевиден субъективизм Риккерта, позволяющий сближать его точку зрения с вышеуказанным вульгарным субъективизмом. Не вдаваясь в критику риккертианства (наша задача не критика, а указание отношения его к развиваемой здесь точке зрения), отметим, что оно превращает исторический процесс в нечто абсолютно-иррациональное, в бескачественную материю нереального, субъективного значения и делает излишними всякие вопросы о цели или смысле развития. Далее, представляется ничем, кроме субъективистических предпосылок, не оправданным и бесполезным создание оторванного от реальности, чисто-идеального царства ценностей; тем более, что все имеющие значение для истории ценности, как общество, государство, религия, гуманность и т. п., воспринимаются нами в реальном мире и реальными. Отвлеченные от реальности и привносимые в нее извне ценности или идеи не могут стать внутренно-организующими принципами реальности, не могут создать единства, потому что единство не привносится в единое извне. Они в состоянии лишь дробить мир, вырывать из него «относящееся к ним» и разрывать единое тело развивающегося субъекта. В каком бы отношении к нашей душевной жизни стояла картина ее, написанная на основе отнесения отдельных душевных явлений (если такие существуют) к идеям, в нашей духовной жизни не существующим и не действующим? Разу-

меется, и сам Риккерт не может отрицать связи между реальным историческим процессом и «индивидуализирующими» его ценностями». Но в таком случае надо сделать еще только один шаг и признать, что ценности, несмотря на всю их абсолютность, заключены в самом историческом развитии (хотя и не только в нем), являясь его принципами и двигателями. Они определяют наш субъективный интерес к «историческому» не воздействием на нас из какого-то третьего места, а тем, что, единые с нами, увлекают нас с собою в конкретной данности истории. Но тогда падают предпосылки субъективизма и необходимость в дроблении мира путем «отнесения к ценностям». Равным образом, тогда получает единство и исторический метод, единство, вполне соответствующее единству самого исторического развития. Наконец, становится возможным объяснить возникновение «исторического интереса»: он не что иное, как опознание факта становления в конкретности реального и относительного развития человечества (а в нем и познающего) идеальных и абсолютных идей.

Отвлечение наше в сторону теории Риккерта, одной из господствующих теперь в области теории истории, помогает дополнить ответ на поставленный выше вопрос о том, что из обще-исторического процесса постигается в познании каждого единичного процесса.—Помимо строения или структуры обще-исторического процесса, как единства, и нашей органической в нем укорененности, мы познаем еще раскрывающиеся, индивидуализирующиеся и конкретизирующиеся в нем абсолютные идеи, его основания и принципы. Эти идеи сами представляют собою органичекое единство, укорененное в Абсолютном, и определяют смысл или цель исторического развития, сохраняя свою абсолютность, но не отдельные от самого единства процесса. Во всей конкретности и индивидуализованности своей они могут быть познаны лишь по завершении или «исполнении» истории. В отвлеченности своей они постигаются, как система или единство путем философского и религиозного умозрения, но до завершения истории не могут быть познаны вполне, ибо и философия и религия входят в исто-

рический процесс. Невозможность полного постижения единства идей, а, следовательно, и каждой из них, с одной стороны, и ценность их для историка именно в их индивидуализованной конкретности—с другой, до известной степени объясняют факт отсутствия у подавляющего большинства занимающихся историей «системы исторических понятий», а часто даже и системы мировоззрения (ср. об этом соображения у Риса—II, 24). Историк обычно постигает путем интуиции, более или менее им неопознаваемой и довольствуется ею, как предпосылкою дальнейших своих работ. Он называет ее «чутьем», «дивинацией» и другими неопределенными терминами, до некоторой степени оправдываемый тем, что ему приходится исходить из не поддающегося определениям абсолютного. Однако, общение с живущим в реальности единством идей все-таки сказывается. Его легко усмотреть в чрезмерно опороченной современной историографией так называемой «прагматической» истории, в которой такое значение получают моральные идеи. Оно еще яснее в средневековых религиозных концепциях исторического процесса, тоже незаслуженно забытых нами, в рассуждениях о Божьем Промысле и в философско-религиозных построениях истории у Фихте, Шеллинга, Гегеля. В несколько иной форме сказывается оно у Л. фон-Ранке [1]). Однако, нельзя забывать, что всякое определение есть ограничение и что построение действующей в истории системы идей, помимо неизбежных условности и относительности такой системы, угрожает весьма опасными косвенными последствиями. Такое построение часто приводит к замене непосредственного и беспристрастного восприятия стремлением оправдать историческими «фактами» свою систему. Кроме того, подобная система, как отвлеченная, остается обычно вне реального исторического процесса и не в силах определять конкретную работу историка. Каррикатурным пояснением этой несоединимости отвлеченной системы

---

[1]) См. Medicus. Kant's Philosophie der Geschichte, 1902; Lask, Fichtes Idealismus und die Geschichte, 1902; P. Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann, 1890; Ср. II, 30; Goldfriedrich. Historische Ideenlehre in Deutschland, 1902; Ср. II, 34, т. 2-ой; II, 75.

с исторической реальностью служат попытки найти «исторические законы» или приложить к историческому процессу социологические схемы.

Из сказанного ясно, почему в истории наряду с исследованием социального развития человечества в его целом могут существовать исследования частных процессов и этим нисколько не нарушается единство исторического метода.—В истории всякое, даже самое частное исследование, даже исследование взаимоотношений между несколькими рукописями одного источника само собою будет исследованием обще-исторического характера и значения и возможно только на почве его связи с познанием целокупности социального развития. Но отсюда вытекают весьма печальные последствия для излюбленного историками-позитивистами суррогата метафизических предпосылок истории—для теории прогресса. Идея прогресса связана с более или менее бессознательным отрицанием единства развития, и теоретику прогресса процесс развития представляется в виде прерывного ряда сменяющих друг друга фаз или периодов. Лучшее для него лежит в будущем, настоящее и прошлое навсегда умирают. Данный момент развития, данная эпоха обладают значением не сами по себе, а только как средство или этап к будущему. Это особенно ясно сказызывается в отношении к прошлому, в пренебрежительном взгляде на умственное развитие, науку и общественную жизнь наших предков и в погоне за «последними словами». Так закрывается единственный путь к пониманию прошлого, в котором уже не усматривают ничего всевременно ценного и важного, и утрачивается всякое оправдание исторического интереса. Зачем, действительно, изучать прошлое, если законов и правил для будущего историк найти не может, а вместо каких-нибудь фантастов и метафизиков, вроде Платона, Плотина, Николая Кузанского, полезнее изучать самоновейшие системы Когена, Авенариуса или Бергсона? Беда только в том, что при отдаленности прогресса, пожалуй, не стоит изучать и их, так как настоящее тоже станет прошлым и в глазах наших потомков будет заслуживать лишь забве-

ния. Так, обесценивая историю, теория прогресса неизбежно обесценивает и современность; лишая смысла все минувшее, лишает смысла и нашу социальную деятельность и низводит весь наш труд на степень жалкой работы червяка, удобряющего землю для неведомых и безразличных ему существ. Раскрывая природу теории прогресса, мы легко усматриваем в ней противречивое сочетание морального пафоса и мечты о светлом будущем других с безнравственнейшим и жестоким восхвалением факта гибели и страданий бесчисленных поколений ради недолгого счастья немногих счастливцев. Впрочем, и долгое счастье и счастье многих не смогут оправдать мимолетной горести одного.

Теория прогресса не только отрицает (по крайней мере, в обычном понимании ее) исторический процесс и науку о нем, не только впадает в противоречие со своим исходным нравственно-альтруистическим мотивом, пытаясь оправдать безнравственный факт, но и оказывается совершенно необоснованной.—Как бы мы ни определяли понятие прогресса—как процесс дифференциации общества и координации его частей, или как рост человеческой культуры вообще и ее распространение—это понятие, по существу своему, субъективно или, в лучшем случае, выражает в относительной формуле наши идеалы. Однако, нельзя привести никаких объективных доказательств того, что наши идеалы будут осуществляться и осуществятся; невозможно даже доказать, что они осуществлялись до сих пор. Оставим в стороне вопрос о нравственном совершенствовании человечества, как очевидно спорный и сомнительный. Указывают в подтверждение прогресса на развитие современной техники, науки, политической жизни и т. д. Все это так. Но, во-первых, указанные явления обладают и своими отрицательными сторонами, повидимому, столь же неизбежно связанными с ними, как скажем, экономическая дифференциация связана с классовыми противоречиями и борьбой. Во-вторых, если в данном отношении прогресс несомненен, он касается лишь некоторых из сторон социального развития, некоторых из наших ценностей или идеалов; другие стороны жизни столь же несомненно полнее и совершеннее обнаружились в прошлом. Есть реальные основа-

ния в вечно повторяющихся жалобах на то, что в старину жилось лучше, что деды были счастливее своих внуков. Обострение борьбы за существование, вне всякого сомнения, заставляет предпочитать прошлое. В области научно-философской мысли мы слишком часто встречаемся с возвратом к эпохам и философам, казалось бы, навсегда отжившим, с призывами: «назад к Канту» или «назад к Платону». Не вдаваясь в спорные частности, не защищая средневековой теософии, не касаясь даже области религиозной жизни и религиозного умозрения, мы смело и с полным основанием можем утверждать, что в прошлом обнаруживается расцвет таких сторон жизни, которые теперь, если и не совершенно отмерли, то до крайности убледнены, но тем не менее остаются ценными и должны входить в систему наших идеалов.

Итак, позитивистическая теория прогресса, будучи необоснованной и отличаясь невыясненностью и недодуманностью основных своих предпосылок, несовместима с природою исторического процесса и исторической наукой, основанными на принципе единства развития. Чрезвычайно, с этой точки зрения, показательно, что христианская религиозно-философская мысль, впервые выдвинувшая идею единого развития и целостности исторического процесса, чужда идее прогресса. И суть дела не в том, что христианство переносит идеал в трансцендентное, а в том, что, по природе своей, оно глубоко исторично: т.-е. понимает единство человечества, которое все должно быть причастным идеалу во всевременном и всепространственном бытии, и умеет в целостном единстве исторического процесса оценить непреходящее значение каждого из его моментов и всякой индивидуальности. Не было идеи прогресса и в античной древности, переносившей идеал не в будущее, а в прошлое, в минувший «золотой век». Это отношение древности к проблеме прогресса много дает для уразумения современной теории, раскрывая ее, как позитивистический суррогат метафизического идеала.—Теория прогресса, усиленно защищаемая и разрабатываемая целыми поколениями, должна обладать некоторым основанием; ее недостатки объяснимы ограниченностью и невыясненностью ее исходных

точек зрения [1]). Это основание мы усматриваем в ее исходном морально-идеалистическом мотиве. Но идеал теоретиков прогресса—полнота жизни человечества во всех ее проявлениях и счастье его—достижим только путем осуществления его во всем историческом процессе. Для того, чтобы стать нравственно приемлемым, идеал должен сделаться достоянием всех людей, как еще не рожденных, так и нас и умерших. С другой стороны, из него нельзя устранить ни одного из достижений прошлого, которые, в силу их неповторимой и конкретной индивидуальности, не могут быть так же воспроизведены грядущим поколением и должны быть реальностью, а не образами воспоминания. Все это достижимо лишь во всевременном и всепространственном реальном синтезе исторического развития. Развертывающийся ныне перед нами и воспринимаемый нами во времени и пространстве процесс, процесс, удручающий нас видимым погибанием и умиранием, должен стать для нас реальным во всей своей конкретности, во всех своих сторонах и моментах. А это возможно только, если «мы изменимся», если преодолеем пространство, если «небеса совьются в свиток», а время преобразится в вечность. И такое понимание идеала или «прогресса» не только согласуется с принципами истории, из них вытекая, но и устраняет все отмеченные нами противоречия. Оно, вместе с тем, оправдывает смысл и значение всякого момента истории и всякого индивидуального труда, осуществляющего идеал и не могущего погибнуть. Оно, наконец, позволяет понимать историческое познание как приближение к истинному всевременному познанию и приобщение ко всевременному единому бытию.

История изучает единичный процесс социального развития во всей его конкретности и единичности, не как экземпляр развития родового и не как родовой или общий процесс, проявляющийся в частных и являющийся для них

---

1) См. Кареев. Историология, гл. XIX (II,9); Хвостов (II, 16), § 21 Grotenfelt. Geschichtliche Wertmasstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein, 1905; Л. М. Гартманн. Об историческом развитии, 1911; Н. И. Кареев. Собр. сочинений, т. I и «Основные вопросы философии истории», 1883.

«законом». Но точно так же и с теми же задачами изучает история и любой частный процесс развития, ибо всякий частный процесс существует и познается лишь на почве его укорененности в общем. Объект исторического исследования всегда представляет собою некоторое органическое единство, как таковое, отличное от окружающего и в своеобразии своем незаменимое, неповторимо-ценный индивидуальный момент развития.

В естественных науках нам важны общие понятия или законы (не построения нашего ума, как полагает Риккерт, а реально-общее), из которых каждый является реально-общим единством, отличным от прочих законов в своей системности или индивидуальности, но вместе с тем и общим для неопределенно большого количества частных случаев правилом, под которое все они могут быть подведены и частными проявлениями которого все они являются. Познание закона и выражение его в формуле всегда есть познание определенной индивидуальной системы отношений или индивидуального, хотя и общего процесса. Однако, для целей естествознания существенна применяемость закона к частным случаям, его обобщающее значение. И, несомненно, познание индивидуального представляет собою стремление к отысканию стройной иерархической системы законов, управляющей данною сферою бытия, хотя и здесь выдвигается не сама система, а ее объединяющая и субсумирующая деятельность. В истории, наоборот, в центре наших интересов стоит именно индивидуально-неповторимое, как таковое и как укорененное в целом развития, потому что вне связи с этим целым мы никогда не сможем возвыситься от интереса «антикварного» до интереса исторического. Данная эпоха, данная война или революция, данное единичное событие, данная личность—таковы характерные объекты истории, при условии опознания укорененности их в единстве развития. Однако, наряду с этими объектами изучения надо отметить и другие.

Уже многими и неоднократно указывалось, что история оперирует с понятием «среднего человека» [1]). Мы

[1]) Ср. «l'homme général», «l'homme temporaire» Лакомба (II, 41).

говорим о французском буржуа XVIII в., французском якобинце, о гуманисте, сектанте XVI в. и т. п. Каждое такое понятие индивидуально и в своей индивидуальности неповторимо и незаменимо. Французский буржуа XVIII в. одинаково отличен и от современных ему дворянина или крестьянина и от своего отдаленного предка в XVI в. или потомка в XX-м. В то же время это не конкретный, в конкретной своей обособленности данный нам образ, а «отвлеченное», хотя и реальное органическое единство или система черт, исторический (хотя и отвлеченно-исторический) «индивидуум». Он включается историком в высшее органическое единство эпохи, занимает в ней совершенно определенное место и необходим для ее понимания. Но, с другой стороны, историк мыслит отношение между ним и любым конкретным буржуа той же эпохи так же, как естественник мыслит отношение между законом и его частным случаем. В каждом конкретном буржуа историку видим его «средний буржуа». Он пользуется понятием «среднего» для понимания и объяснения конкретного, для того, чтобы пополнить недостаток своих знаний об эпохе, истолковать слова и поведение конкретных людей и т. д. Подобные приемы объяснения, освященные классиками исторической науки (ср., например, Буркхардта—III, 13), ни в коем случае не могут быть рассматриваемы, как наивный самообман историков, сначала строящих путем индукции «среднего человека», а потом применяющих это понятие к тем самым случаям, от которых оно отвлечено. Принцип нахождения «среднего», как ясно будет из дальнейшего, весьма далек от «индукции через простое перечисление».

Очень близко к понятию «среднего человека» понятие типа или «типического человека». «Типический человек» соединяет в себе два момента. Во-первых, он тот же «средний человек», то же индивидуальное органическое единство черт, в некотором отношении общее для всей данной группы, класса, общества, эпохи, во-вторых, он гипертрофированное, а потому резко выделяющееся единство черт, «среднему человеку» и тем более рядовому обывателю не свойственное. Сюда присоединяется, в-третьих, еще и то, что типический человек представляет собою, в отличие от среднего, конкретную,

живую индивидуальность. Обычно это «великий человек», «герой» или «гений», рассматриваемый в его связи с окружением и в его показательности для эпохи. Едва ли надо настаивать на том, что вопрос о показательности гения для «среды» и эпохи, не имеет ровно ничего общего с вопросом о роли личности в истории [1]). Как и «средний человек», тип важен для историка не только в его индивидуальности, но и в его типичности или показательности, позволяющей заключать от него ко всем людям данной группы и эпохи.

Итак, в истории наряду с индивидуальными понятиями мы встречаем и аналогичные понятиям естественных наук понятия индивидуально-общие. Указывая на «среднего человека» и на «тип», мы привели лишь наиболее резкие примеры. В том же смысле историк часто употребляет такие термины, как «основы государственного строя» данной эпохи, «феодальное поместье», «средневековой город» и т. д. Однако, индивидуально-общие понятия обладают для историка в общности своей, хотя и существенным, но чисто вспомогательным значением. Целью исторической науки является изображение единичного процесса социально-психического развития человечества, все равно делается ли объектом изучения само это развитие в его целом или более либо менее частный и ограниченный процесс. В последнем случае прцесс рассматривается в его индивидуальной отличности, но не иначе, как на почве обще-исторического; и чем большая и более глубокая связь усматривается между частным единством и общим процессом, тем историчнее исследование.

Цель историка не в простом описании процесса развития, но и в объяснении его, в понимании его необходимости. Это, как указано выше, достигается не путем причинного объяснения, а особого рода вживанием историка в процесс, сопереживанием процесса, подобным сопереживанию чужой душевной жизни. Чтобы понять и объяснить историческую лич-

---

[1]) Подробнее о «среднем человеке» и «типе» см. Карсавин. Основы средневековой религиозности, СПБ. 1915, Введение

ность, я должен слиться с ее психической жизнью и, отвлекаясь от всего индивидуально-моего, жить ее стихией, внутренно свободной и необходимой, но до известной степени определяемой в своем течении пронизывающими ее влияниями иных процессов. Только этим путем доступна мне чужая индивидуальность, т.-е. чужое органическое единство; только этим путем я постигаю его, как необходимое и не могущее быть иным. И сами внешние факты уже являются для меня моими внутренними: я живу и действую в другом. Тот же самый прием применяется историком и тогда, когда он изучает коллективную душу группы, класса, народа или эпохи. Всегда и везде задачею является переживание некоторой системы черт, некоторого органического единства. Благодаря этому, становится возможною историческая дивинация, восстановление целого по немногим разрозненным его чертам и фрагментам. Но тот же самый процесс обнаруживается и тогда, когда по отрывочным фактам и немногим психическим «элементам» мы воссоздаем систему черт или органическое единство «среднего человека», необходимость которого покоится вовсе не на повторяемости его в конкретных индивидуумах, а на его внутреннем единстве или органичности. В это едиство достаточно войти для того, чтобы постичь его целостно, а войти в него возможно и с помощью немногих данных. Тем же приемом определяется, наконец, и «тип», признаваемый за таковой именно потому, что его органическое единство оказывается связанным и внутренно-переплетенным с такими-то и такими-то внешними фактами эпохи, как бы вехами, определяющими русло его жизни. В данной системе фактов мыслимо лишь это органическое единство, познаваемое нами извнутри его самого, как необходимое и внутренно-единое.

Характерным и существенным отличительным признаком истории является тот факт, что объектом исторического изучения всегда бывает прошлое (конечно, в том смысле и с теми оговорками, которые указаны выше). Но прошлое историку непосредственно не дано и даже пережитое им существует в его сознании только, как убегающие и бледнеющие образы воспоминания, остатки прошлого. Историку открыт лишь один путь к погружению в минув-

шее—реальные остатки этого минувшего, видимо, оторванные от того единства, в котором они находились, и утратившие ясные связи с ним. Такие обрывочные остатки прошлого, переживающие себя в настоящем и связующие нас с тем единством, в которое они входили прежде, и называются «*историческими источниками*». Это вещественные остатки былой культурной жизни: храмы, здания, статуи, надписи, рукописи, обычаи и обряды, в неизменности хранимые религиозным культом, частным и общественным бытом; это, далее, давно возникшие рассказы и легенды, доныне передаваемые из уст в уста, старые сказки, пословицы, исторические песни и предания; это—плоды культурного труда прежних поколений: разного рода литературные произведения, акты и договоры, наконец записи наблюдений современников над социальною жизнью, летописи, хроники, мемуары и исторические труды. Весьма трудно дать исчерпывающую классификацию исторических источников; к ней мы здесь и не стремимся, намечая лишь существенные для нас пункты.

Если источник является частью прошлого, оторванною от своего единства, но связующею его с нами, познание источника не что иное, как познание самого прошлого. *Чрез источник, как часть минувшего, мы вживаемся в единство этого минувшего* и, познавая часть, в ней уже познаем и целое. Поэтому *принципиально* работа над источником ничем не отличается от всякой иной работы историка; *реально*—это та же самая историческая работа со всеми ее особенностями, а благодаря обычной конкретности источника, так сказать осязаемости в нем самого прошлого, изучение источника лучшая и, может быть, даже необходимая школа для всякого занимающегося историей. Во всяком случае, оно должно служить основой и исходным моментом научного занятия историей, другого же *занятия* ею, кроме научного, нет. При достаточном понимании и правильной оценке источников, как частей прошлого, сами собою бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по сравнению с методами естественных наук метода исторического, жалобы столь характерные для французских методологов, пытающихся спасти научность

истории предъявлением к ней ригористических и зачастую совершенно невыполнимых требований (Ср. II, 4—5).

В наиболее благоприятном для историка случае источник дает ему непосредственное отражение прошлого. Так, храм или статуя выражают эстетическое мировоззрение своих создателей, позволяют воочию убедиться в их технических средствах и с несомненностью заключать к некоторым общим чертам социальной организации в данную эпоху. Внимательно изучая такой источник, мы достигаем уже восприятия или, в худшем случае, предвосхищения некоторого единства, окончательнее и полнее всплывающего перед нами при сопоставлении свидетельств данного источника со свидетельствами других, входивших в ту же систему. Принцип единства является руководящим критерием в отборе и понимании всей системы свидетельств, с каждым новым свидетельством приобретающей все большую полноту и убедительность. На том же принципе единства основывается, в конце-концов, доверие к свидетельству источника о принадлежности его именно к данной эпохе или отнесение его к ней, когда он сам безмолствует, так называемая датировка, достигаемая очень часто лишь посредством долгих и тщательных сопоставлений. Им же определяются, как мы сказали, и понимание источника (интерпретация) и оценка степени его достоверности, и его подлинности (критика). Все эти операции, обычно различаемые в трактатах и учебниках по методологии, на самом деле неразрывно переплетены друг с другом. Нельзя подвергать источник «внешней» или «внутренней» критике, в то же самое время его не толкуя или не интерпретируя, и обратно, нельзя интерпретировать и критиковать вне времени и пространства, т.-е. не датируя. Но все рассмотренные процессы мыслимы только на почве связи их и источника со всею совокупностью наших знаний о данной системе или единстве, а потому являются не чем иным, как восприятием и пониманием этого единства.

Мы брали простейший случай, когда источник, непосредственно отражающий социльно-психический процесс, всецело относится к изучаемой нами эпохе. Но он может, как конкретное явление, относиться сразу к несколь-

ким эпохам. Так. хранящиеся в Мюнхенской Глиптотеке эгинские статуи отражают и эпоху их возникновения и эпоху реставрировавшего их Торвальдсена. Созидаемый рядом поколений храм свидетельствует о ряде веков; один и тот же лист рукописи несет в себе и следы соскобленных букв античности, и рукопись XIII в., и приписки на полях («маргинальные глоссы») XV-го. Разумеется, если объектом нашего изучения является довольно длительный процесс, тот же многовековой собор может быть для нас единым конкретным источником, отражающим само развитие. Но если наше внимание сосредоточивается лишь на одном из моментов этого развития, нам приходится от единого конкретного источника отвлекать нечто реальное, связанное только с изучаемым нами единством. Так возникают новые, иногда чрезвычайно сложные и трудные проблемы критики, интерпретации и датировки. Конечно, сравнительно легко учесть добавленное или искаженное грубою рукой неумелого реставратора. Но большое искусство, тонкое критическое чутье и крайняя осторожность потребны для того, чтобы в каком-нибудь сохранившемся от прошлого обычае, «пережитке», или в переходящей от поколения к поколению легенде отделить все наслоения ряда эпох и, выделив, датировать первоначальное зерно. Слишком часто подобная задача оказывается неосуществимой.

Однако, источник не всегда является только простым бессознательным и бесстрастным «отражением» факта. Всегда будучи таким отражением, он часто содержит в себе «заявление» или «заявления» его автора или авторов. Подобными источниками являются какой-нибудь оригинал законодательного акта, договор, публичный или частно-правовой, расписки, квитанции, надписи в честь бога, святого или какого-либо героя, выражающие отношение к нему, и т. п. Вся эта категория источников сближается с уже рассмотренною нами по близости своей к историческому факту и, следовательно, по своей надежности; но отличается от нее новым моментом—ролью и значением автора источника. Как источники «говорящие», такие «заявления» несравненно богаче материалом, чем простые отражения, в связи с чем стоят своеобразные

трудности их интерпретации и перехода от них к их окружению. Эти «заявления» принято обозначать особым термином «документов» или «документальных источников», иногда с выделением в особый разряд «актов», и противопоставлять их заявлениям автора о своих наблюдениях, как источникам «литературным». Не лишним является отметить, что надежность «документальных» источников часто приводит к преувеличению их значения. Нельзя забывать, что «документ» надежен и важен, как таковой, а, например, не заключенными в нем наблюдениями или сообщениями: кто станет решать вопрос о виновности по приговору инквизиционного суда? Историк, если хочет, чтобы выводы его были «документальны», должен опрашивать документ лишь в пределах его компетенции: иначе он пользуется им не как документом, а как литературным источником. С другой стороны, опасно быть поклонником формы. В иных случаях литературный источник надежнее документа, именно: поскольку мы рассматриваем первый, как отражение.

Задача познания при посредстве источников осложняется еще тем, что сравнительно немногие из них непосредственно отражают прошлое и ограничиваются простыми заявлениями. Напротив, наиболее важные и конкретные свидетельства оказываются для историка опосредствованными. Источник сообщает нам о том или ином факте, в то же время непосредственно отражая другие стороны прошлого. Надпись или рукопись в качестве материала, очертаниях букв, манере письма и т. д. отражая технические средства и психику эпохи, рассказывает нам о тех или иных событиях. Предание, отражая образ мыслей и чувствований своей эпохи, еще и передает нам о ней нечто конкретно-фактическое. В этих случаях мы сталкиваемся с записью наблюдателя (возьмем опять простейший случай), подверженного возможности самых разнообразных ошибок и во время наблюдения, и во время воспоминания о виденном, и во время самой записи. Сверх того, наблюдатель в сообщении своем мог руководиться желанием скрыть, прикрасить или исказить истину. Все эти обстоятельства ставят

историку, критику и интерпретатору, новые, очень сложные и тонкие проблемы. Однако, средством к их разрешению остается тот же самый исторический метод, описанный нами, в искусных руках достаточно острое и надежное орудие. Мы оцениваем общую достоверность и надежность наблюдателя на основании всей совокупности наших знаний о нем, т.-е. путем выяснения его индивидуальности, и об его эпохе, данной нам в ее «среднем человеке» и типических представителях. Мы толкуем и подвергаем критике интересующие нас отдельные сообщения того же наблюдателя в системе знания о нем и о включающем его в себя единстве группы и эпохи в связи с сообщениями других источников. Следует отметить, что и здесь, как вообще в понимании исторического процесса, очень ничтожная роль принадлежит всякого рода «социологическим» обобщениям и схемам. Так, мало помогает изучение ошибок наблюдения вообще и в свидетельских показаниях в частности. Еще меньше пользы от общего учения о характерах. Объяснение этого факта заключается в характере исторического исследования вообще, в его конкретности и сосредоточенности на индивидуальном, которое не подчиняется никаким общим законам, ибо нет закона без исключения, а таковым может быть именно данный случай. К тому же чисто-исторический метод скорее приводит к более прочным и определенным заключениям.

Дальнейшим осложнением работы по источникам является тот случай (причем, опять-таки, вполне совместимо сосуществование его в данном конкретном источнике с уже рассмотренными нами), когда автор источника, не являясь наблюдателем, сообщает о наблюдениях других, наблюдениях, известных ему из первых, или из вторых, либо третьих рук, по устной или письменной передаче. Иначе говоря, здесь нас отделяет от изучаемого факта не один, а два или даже более источников, из которых непосредственно нам дан лишь один. Сообщения о наблюдениях и свидетельствах других могут распростираться одинаково и вширь—на современное автору, и вглубь—на прошлое для него. В последнем случае ряд незаметных переходов сближает автора источника с историком,

что и позволяет нам относить сразу и к той и к другой категории таких писателей, как Фукидид, Тацит, Оттон Фрейзингенский, и т. д. Однако, необходимым условием включения данного исторического труда в категорию сообщающих источников является наличность только в нем наиболее близких к факту сообщений о нем; в смысле непосредственно отражающего действительность источником должен быть назван всякий исторический труд.

Из нашего краткого обзора ясно, насколько трудна классификация источников. Конкретный источник многогранен: он сразу может отражать прошлое, сообщать наблюдения над ним его автора, и передавать наблюдения других над современными ему и минувшими событиями. Очевидно, на основе установленных выше различений нельзя классифицировать конкретных источников, а только данныя источников, естественно распадающиеся на: 1) непосредственные отраженя прошлого, 2) заявления автора источника (напр., законодательные акты, манифесты, договоры и т. п.), 3) сообщения автора источника о его наблюдениях, 4) сообщения его о наблюдениях других, лично ему известных, 5) сообщения из вторых и третьих рук о современном автору, 6) такие же сообщения о прошлом.

Что касается до классификаций самих конкретных источников,—ни одна из них не может быть признана удовлетворительной. Классификация по материалу позволяет разделить их на очень большие группы: 1) вещественных, 2) письменных и 3) устных, причем первая и вторая группа находят друг на друга (напр., надписи, рукописи и т. п.). В пределах каждой из этих трех групп возможны дальнейшие подразделения. Так, Э. Бернгейм (II, 14), выделив в особую группу «остатки», делит «традиции» на: 1) вещественную (статуи, картины, карты), 2) устную (рассказы, легенды, анекдоты, поговорки, исторические песни и былины), 3) письменную (исторические надписи, генеалогические таблицы, календари, летописи, биографии, мемуары и т. д.). К «остаткам» он же относит: 1) остатки в собственном смысле слова, т.-е. телесные остатки (костяки, черепа, кухонные остатки и т. д.), язык, состояния и учреждения (законы, обычаи, игры), про-

дукты труда (сосуды, монеты), деловые акты, письма и пр.; 2) памятники-надписи, памятники в собственном смысле слова, граматы. Пожалуй, наиболее удобно классифицировать источники, исходя из так называемых вспомогательных исторических дисциплин (Hilfswissenschaften), сосредоточивающихся обычно на определенной группе источников. Эти дисциплины не все в одинаковой степени определились, но ряд из них уже выделился. Такова изучающая папирусы папирология, изучающая надписи эпиграфика (с подразделением ее по диалектам или наречиям), дипломатика, исследующая акты, и палеография, — рукописи, нумизматика и сфрагистика (монеты и печати) и пр. Вместе с археологией все эти науки изучают преимущественно внешнюю, вещественную сторону источников.

Даже краткое ознакомление с источниковедением убеждает в том, что и в нем работа историка покоится на тех же принципах, которые выясняются из анализа исторического процесса и его изучения. Это станет еще очевиднее, если подчеркнуть тот факт, что историк никогда не имеет дела с единичным, оторванным ото всего фактом. Его работа, заключающаяся в искании единства, всегда основана на сопоставлении целого ряда источников и свидетельств, связи между которыми он вскрывает. Поэтому-то совершенно бесполезны споры о том: надежно ли показание о факте одного источника и свидетельствует ли против факта молчание о нем современников. Эти споры бесполезны, так как единичные факты для историка неинтересны, а связь того или иного факта с данным единством обосновывается вовсе не свидетельством о нем одного или двух источников, но целою системою фактов.

В предшествующем изложении указано на неразрывную связь всех критико-научных операций, производимых над источниками—внешней и внутренней критики, интерпретации и датировки. Однако, все же можно отметить некоторые стадии научной работы с соответствующим преобладанием того или иного из приемов. Приступая к изучению какого-либо вопроса, прежде всего

необходимо выяснить круг нужных для этого источников, «найти» их, для чего надо ознакомиться и с историческими сочинениями, касающимися данного вопроса, и со специальными указателями, перечисляющими эти сочинения («литературу вопроса») и источники. Все такие операции обозначаются термином «эвристики» (см. II, 4, 14). Очертив круг своих источников, историк приступает к их критике и интерпретации (герменевтике), неотделимым, по существу друг от друга. Однако, и здесь обычен подход к источнику прежде всего со стороны «внешней критики», т.-е. определения подлинности источника, его даты, места происхождения, автора и отношения к другим источникам. Из внешней критики выростает и применяется параллельно с нею «внутренняя», устанавливающая путем того же сопоставления источников и анализа данного отношение его к занимающим внимание историка фактам (к единству изучаемого процесса). В процессе же критики и сопоставления источников окончательно выясняется их понимание или истолкование (интерпретация), завершаемое процессом научно-исторического изложения. Такова внешняя схема исторической работы, схема, отнюдь не предусматривающая всего конкретного многообразия исторических приемов и их сочетаний и вовсе целиком и в изображенной последовательности не применяемая в каждом отдельном случае. Но конкретные приемы исторической работы излагать бесполезно: они лучше всего понимаются и усваиваются в самом ее процессе.

II.

Краткий обзор литературы по методологии истории.

Целям самого первоначального ознакомления с задачами и методами истории могут служить нижеследующие небольшие статьи и книги:

1. **Г. Моно** (G. Monod) История. В сборнике «Метод в науках», перев. П. С. Юшкевича и П. К. Брусиловского. СПБ. 1911.—Очень сжато и доступно написанный

очерк, содержащий общую характеристику задач и методов исторической науки и дающий лишь самые элементарные сведения, к сожалению, в достаточной мере не поясненные примерами (как в № 4). Воззрения автора, защищающего историю, как науку об индивидуальном, выражены недостаточно определенно и четко.

2. Проф. **Э. Бернгейм** (E. Bernheim) Введение в историческую науку. Перев. под ред. проф. С. Г. Сабинина. М. 1908.—Сокращенная переработка большого труда того же автора (см. № 14). Несмотря на сжатость изложения и бедность иллюстрирующими положения автора примерами, наиболее удобная для первоначального знакомства с теоретическими и методологическими вопросами истории книга. Автор затрагивает все существенные стороны исторического метода; касается и философии истории. Изложение ясное и простое. Ценны краткие указания на литературу предмета. Дополнением может служить книжка—

3. **Э. Бернгейм.** Философия истории, ее история и задачи. Перев. А. Рождественского. 1910.

4. **Ланглуа** и **Сеньобос.** Введение в изучение истории. Пер. А. Серебряковой. СПБ. 1899.—Эта небольшая книжка может служить очень хорошим дополнением к № 2, но нуждается в осторожном отношении к утверждениям и советам авторов. Авторы считают всякую «теорию истории» неизбежно или «тривиальной» (чего не избегла и их книжка) или «трансцендентальной», т.-е., очевидно, метафизической, и это сказывается на их коллективной работе в виде весьма неудовлетворительной позитивной метафизики. Выставляя очень строгие, часто даже неосуществимые требования строить историю исключительно на «документах» (так не вполне удачно и обычно передан французский термин «document»; по-русски надо — «источник») и пользоваться материалом лишь из первых рук, авторы сами признают, что историки работают иначе, но «не говорят об этом из боязни скандала». Книга страдает чрезмерным упрощением исторического метода, склонностью к схематизму и ориентировкой к практической цели—дать руководящие советы, как работать, зачастую спорные и слишком детальные. Совершенно неточно и фантастически переданы

высшие приемы исторической работы — «историческое построение» (гл. IX сл.). Зато довольно удачно описаны приемы критики источников, особенно внешней (гл. I—VIII), причем здесь стремление авторов давать практические советы приносит благие плоды в виде хорошо подобранного иллюстративного материала. Эти главы являются во всей книжке лучшими и наиболее полезными.

5. **Ш. Сеньобос.** Исторический метод в применении к социальным наукам. Пер. под ред. П. С. Когана. М. 1902. — Книга разделяет недостатки со второю частью № 4: схематизм, произвольное различение и построение научных операций, банальные «вопросники», как руководства для начинающего историческую работу, замечания общего характера и т. д. Полезною книжка может быть тем, что вводит в круг вопросов социальной истории.

6. **Эд. Мейер.** Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-историческое исследование. Пер. А. А. Малинина. Изд. 2-е, исправл. М. 1911.—Краткий, но чрезвычайно живо и интересно написанный очерк. Известный историк древнего мира, Эд. Мейер дает в полемике с «новыми взглядами», главным же образом со взглядами К. Лампрехта (см. №№ 42—48) характеристику задач и методов истории. Отрицая возможность истории в смысле «систематической науки» и науки, отыскивающей законы явлений, автор подвергает анализу вопросы о роли в историческом процессе свободной воли и случая и на основе этих понятий определяет историю, как «изображение событий или, точнее выражаясь, перемен, происходящих во времени», прошедших, а, следовательно, и познаваемых лишь по своим следствиям. Далее, Мейер выясняет понятия «исторического факта», «исторического интереса», границы исторического познания, затрагивая и целый ряд других вопросов (субъективный элемент в истории, «несостоявшиеся исторические факты», значение личности в истории, отношение истории к филологии и биографии, которую автор в историю не включает). Брошюра представляет собою вдумчивое осмысление природы и приемов эмпирической истории без особого философского (вопреки заглавию) обоснования высказываемых взглядов, и цен-

ность ее заключается в целом ряде остроумных и тонких наблюдений и соображений, поясняемых удачно подобранными примерами. Для желающего войти в круг вопросов теории истории это один из лучших и наиболее полезных очерков, несмотря на свою сжатость, дающий ясное представление об истории и выдвигающий существенные для всякого историка проблемы. Недостаток его в неизбежной при краткости неполноте, почему и представляется желательным дополнить изучение его № 2 (и первыми главами 4-го).

7. Ed. Meyer. Geschichte des Altertums I, 1. Einleitung. Elemente der Anthropologie. Berlin, 1910 (3 Aufl).

Вводная часть к большому труду автора. Первая и вторая главы посвящены собственно «антропологии» (I—Государственное и социальное развитие; II—Духовное развитие), третья, озаглавленная: «История и наука истории» (стр. 184—252) представляет собою систематическое изложение взглядов, высказанных в № 6. Глава ориентирована к истории древности, в связи с чем стоят §§, трактующие об источниках, исторической литературе и хронологии. Книжка и, главным образом, гл. III могут служить прекрасным дополнением к № 6.

8. Проф. **Н. И. Кареев.** Теория исторического знания (из лекций по общей теории истории). СПБ. 1913.

9. **Он-же.** Историология (Теория исторического процесса). Петр. 1915.

Автор различает «историку» или «теорию исторического знания», в которую включает «гносеологические, логические и методологические вопросы» (№ 8) и «историологию» или «теорию исторического процесса» (№ 9). В первой части выясняются вопросы о предмете, задачах, материале и методах исторической науки, основные проблемы источниковедения, установление связей между историческими фактами, сравнительно-исторический метод и некоторые более частные вопросы. Вторая часть посвящена проблемам законосообразности, факторов, причинности в истории (автор рассматривает ее в связи с различением им истории на «прагматическую» и «эволюционную»), роли личности, теории прогресса и т. д.

Начинающему мы советовали бы, прежде всего, прочитать № 6, затем перейти к №№ 2 и 4, а потом обратиться прямо

к изучению одного из более обширных трудов по методологии, указанных ниже под №№ 15, 10—12 и 14. Для лиц, совершенно незнакомых с историей, рекомендуется начать с № 1.

10. Акад. **А. С. Лаппо-Данилевский.** Методология истории. Ч. I. Теория исторического знания. СПБ. 1910. Ч. II, там же. 1913.

11. **Он-же.** Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом.—Известия Российской Академии Наук. Петр. 1918.

12. **Он-же.** Главнейшие направления в развитии номотетического построения исторического знания.—Журн. Мин. Нар. Просв. 1917, ноябрь—декабрь (вошло в № 11).

Труд покойного академика, расширенным изложением первой главы первой части которого является № 11, представляет собою один из наиболее обширных и систематических курсов по теории и методологии истории (готовится к печати новое посмертное издание). Автор предпосылает критико-систематическому изложению подробные историографические обзоры и в первой части дает два «построения» теории исторического знания: с номотетической и с идиографческой точек зрения. Особенно подробно изложена и рассмотрена вторая. Допуская номотетическое построение, автор считает, что оно, «имеющее в виду одно только обобщение, не в состоянии удовлетворить нашего интереса к действительности: при помощи общих понятий оно не может обнять ее многообразие». Являясь защитником идиографической точки зрения, А. С. Лаппо-Данилевский старается внести в нее некоторые поправки и выяснить ее основания (см. в гл. II отдела II-го—понятия об индивидуальном, исторической связи и историческом целом). Во втором выпуске рассмотрены: 1) объект исторического познания и 2) методы исторического изучения (методология источниковедения). В третьей части, не вышедшей в свет, автор предполагал подвергнуть анализу проблемы исторического построения. Собственное построение автора, на наш взгляд, недостаточно ясно и обосновано, теряясь в историографических обзорах. В частности, спор между представителями двух главных направлений разрешается внешне: посредством признания ценности обоих, и единого построения

задач и методов истории не дано. Тем не менее, книга исключительно полезна богатством и полнотою изложения и рядом критико-историографических обзоров и замечаний. Для всякого, серьезно изучающего вопросы теории истории, она является необходимой. К сожалению, приходится отметить (особенно во втором выпуске) чрезвычайно тяжелый, можно сказать—«схоластический» язык, требующий от читателя большого напряжения.

13. **Н. Д. Кондратьев.** Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского. «Историческое Обозрение», т. XX, Петр. 1915. — Критическое изложение взглядов автора «Методологии». Может служить введением к чтению № 12.

14. E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 6 Aufl. Leipzig 1908. Не оригинальный по взглядам, но чрезвычайно обстоятельный и добросовестный обзор всех главных вопросов методологии и философии истории с подробными библиографическими указаниями и щедро приведенными иллюстрирующими примерами. Необходимое справочное пособие, полезное даже для историка-специалиста.

15. Aloys Meister. Grundzüge der historischen Methode. Grundriss der Geschichtswissenschaft, I, 6. Очень ясное и сжатое изложение основных вопросов теории истории. Небольшая по объему книжка удобна, как введение в серьезные занятия предметом и в этом смысле для начинающего предпочтительнее, чем №№ 10—12 и 14.

16. Проф. **В. М. Хвостов.** Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. 2-е изд. М. 1914. Значительная часть книги посвящена изложению общефилософских взглядов примыкающего к Вундту автора. Отведенные основной теме главы полезны только в смысле общей ориентировки читателя в главных вопросах и литературе (приведенной, впрочем, несистематически и неполно) теории истории.

17. **Он-же.** Эволюция исторической науки и ее современное состояние. М. 1906 (на правах рукописи).

18. A. D. Xénopol. La théorie de l'histoire. Deuxième édition des «Principes fondamentaux de l'histoire». Paris, 1908.

Ксенопол, исходя из различения фактов, повторяющихся в пространстве les faits de répétition и фактов последовательных, развертывающихся во времени les faits successifs, интересных для нас их своеобразием и индивидуальностью, видит задачу истории в изучении фактов второго рода. С этой точки зрения автор и строит свою систему идиографической истории, в которой, отвергая Риккертовскую теорию ценности (ср. № 19), придает особенное значение понятию «серии фактов». Отдельные главы посвящены выяснению понятий эволюции, причинности в истории, факторов, серий и исторического метода. Попутно автор касается других пониманий истории и приводит довольно обширную литературу. Основным пособием книга служить не может.

19. **А. Д. Ксенополь.** Понятие о ценности в истории. Библиотека философии истории. Перев. Никифорова. Киев. 1912.

20. Проф. **Р. Ю. Виппер.** Очерки теории исторического знания. М. 1911. Исходя из невыясненности задач и целей истории, устарелости научного языка и «кризиса общих научных понятий», автор считает необходимым «теоретико-познавательный анализ». Однако, ценность книги не в философских взглядах проф. Виппера, к тому же выраженных неясно и разбросанно, а в остроумном рассмотрении ряда исторических понятий, поясненном живыми и конкретными примерами. Разбору подвергаются вопросы о роли в истории «дедукции» и «индукции» или «абстрактности» и «конкретности» (устанавливается своеобразное сочетание той и другой, в связи с чем дается определение социологии, как «умственного отвлечения новых задач, поставленных в исторической науке и в ее действительности неразрывно соединенных с материалом». Ср. точку зрения Барта—№ 30), точка зрения на историю, развитая Виндельбандом (№ 69) и Риккертом (ч. I, гл. 3, ср. №№ 70—74) и (ч. II) другие, более частные проблемы. На анализе конкретных примеров автор подробно критикует «представления о плане и темпе исторического движения», т.-е. периодизации исторического процесса и самый принцип их, связывая и то и другое с эсхатологией, вавилонскою астрологией и «старой антропологией», теорию

прогресса и высказывается за новое «географическое» размещение материала, хотя и указывает на недостатки построенной на нем Всеобщей Истории Гельмольта. Не менее суровой критике подвергнуты разнообразные формы исторической телеологии, возводимые к рассмотрению мира по аналогии с волевыми актами человека и, в частности, к христианскому провиденциализму. Идея целесообразности исторического процесса не что иное, как «результат наивного самонаблюдения человека», не принимающего во внимание бессистемность обычного хода человеческой мысли. Эта идея должна быть заменена идеей приспособления. Автор усматривает «смягченные формы мифологизма» в учениях о роли личности в истории, «носителях идей» и героях. То же самое «соединение психологического и исторического момента» видит он в учении об исторических причинах, включающем в себя метафизические элементы. Важный шаг вперед, по его мнению, заключается в применении «диалектического метода», выдвигающего «принцип смены последовательных ступеней движения». Однако, это не мешает проф. Випперу довольно беспристрастно отнестись к спору «идеалистов» с «материалистами», хотя ему самому и кажется более ценным материализм, как выражение потребности в «реализме» и «конкретизации исторических явлений». Равным образом, автор старается внести существенные поправки и в понятие класса. Задачу «теории исторического знания» проф. Виппер видит в «усовершенствовании принятого и всюду торжествующего» диалектического метода исторического материализма; задачу своей книжки—в «пересмотре» постановки обычных наших вопросов», «анализе» «привычных понятий и приемов». Филосфкого анализа и обоснования высказываемых в книжке мыслей нет: критика автора ограничена сферой конкретно-исторического. И критика и построения автора не отличаются глубиной, но книга написана очень талантливо и живо. Она ставит перед читателем важные вопросы теории истории, заставляет вдумываться и в них и в традиционные их решения. В этом ее несомненная полезность. Однако, она ни в коем случае не может собою заменить изучения указанных под №№ 10—11, 14—15 основных трудов.

21. **Ю. Делевский.** Телеологические моменты в философии истории и космогонии. «Историч. Обозрение», т. XX, Петр. 1915 г.—Статья может служить дополнением к некоторым мыслям проф. Виппера. Автор рассматривает телеологические элементы в истории, как пережитки до-научной мысли.

22. Henri Berr. La synthèse en histoire. Essai critique et théorique P. 1911.—Книга, ценная не собственными построениями автора, а хорошим его знакомством с литературой предмета. В числе прочих разбираются взгляды: Э. Мейера (№ 6—7), Риккерта (70—74), Б. Кроче, А. Навилля (68), Ксенопола (18—19) и др.

23. J. G. Droysen. Grundriss der Historik. 3-e Aufl., 1882.—Книжка, написанная афористически и чрезвычайно сжато, а потому требующая хорошей подготовки и внимательного изучения. Полезна только для лиц, уже знакомых с теорией истории.

24. Ludwig Riess. Historik. Ein Organon geschichtlichen Denkens und Forschens. B. I. Berlin, 1912. Труд Риса распадается на две неравномерных и неравноценных части. Первая (стр.1 — 92) дает много очень ценных и тонких замечаний о сущности исторического метода и истории. Находящийся под влиянием Канта, Гумбольдта (№ 75) и, особенно, Дильтея (65—67), автор очень удачно подчеркивает значение в истории индивидуально-неповторимого и остроумно формулирует сущность собственно-исторического, характер постановки вопроса в истории и отличие ее от других «наук о духе». Отвергая применимость к историческим явлениям понятия развития, Рис, вслед за Дильтеем, видит в истории «царство целей», но вместе с тем указывает и на ряд общих факторов. Так, весьма удачно выясняется значение в истории «ипостазированных единств» (напр., государства), «интуиций» руководящих людей и пр. «Историческое понимание—необходимое средство познания неповторяющихся изменений комплекса явлений», причем эти явления связуются друг с другом при посредстве идеи причинной связи. Исходным моментом исторической работы является не источник, а «интерес без противоречий разрешить воспринимаемые в предмете изменения и поставить в еще

большее согласие с действительностью уже частично достигнутое объединение их содержания в нашем сознании». Этот интерес и определяет историчность вопроса. Исторические вопросы никогда не бывают беспредпосылочными и всегда связаны с уже воспринятым или предполагаемым изменением в комплексе представлений. Отсюда, по Рису, вытекает универсальность исторических изысканий и необходимость периодизации. А в силу необозримого расширения поля зрения историков неизбежно «принципиальное отсутствие системы исторических понятий»: для понимания и объяснения своего предмета историк нуждается в таком запасе знаний и аналогий, которые выходят за пределы обычного. В странном противоречии с этими утверждениями стоит вторая часть труда (кн. II—III), где дается несистематический обзор ряда явлений общественной и индивидуальной жизни, понимаемых «номотетически». Автор говорит о душе, темпераментах, взаимодействии между душою и телом, аффектах, фантазии, религиозном чувстве, нравственном чувстве, характере, личности, ассоциации людей, моде, духе времени. Впрочем, и в этой части приведены характерные примеры (преимущественно из Ранке—III, 7). Язык первой части труден и без нужды «научен».

Руководствуясь приведенною литературою (особенно №№ 10—11, 14, 15 и 22), не представляется затруднительным сосредоточить изучение на том или ином направлении в теории истории. На тот случай, если бы кто захотел приступить к занятиям ею не с систематического изучения, а со знакомства с каким-нибудь из существующих в ней направлений, что вполне допустимо, а иногда, сообразно индивидуальности занимающегося, даже и лучше,—ниже, под №№ 39—80, даны первые руководящие указания литературы по главным направлениям. Для ознакомления с общим течением теоретико-исторической мысли и в смысле более детального указания литературы по теории истории вообще могут быть полезны еще следующие книги.

25. **Г. Г. Шпет.** История, как проблема логики. Теоретические и методологические исследования. Ч. I. М. 1916.—Подробно изложены методологические и философско-историче-

ские взгляды XVIII в. Особенно ценно изложение воззрений на историю Хр. Вольфа и Хладениуса (Хладни). Автор заканчивает том Гердером, Кантом и Шеллингом.

26. **Он-же.** История, как проблема логики. «Исторические Известия», 1916, № 1. Краткий автореферат.

27. **Он-же.** Первый опыт логики исторических наук. Вопросы Философии и Психологии, кн. 128.—Изложение и характеристика теории Хладениуса.

28. Проф. **Р. Ю. Виппер.** Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX в.в. в связи с общественным движением на Западе. СПБ. 1900.

29. **Н. Н. Алексеев.** Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. I. Механическая теория общества. Исторический материализм. М. 1912.

30. Paul Barth. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie, I. Leipzig, 1897. Русский перевод—**Пауль Барт.** Философия истории, как социология (изд. Пантелеева, перевод в издании Рамма совершенно неудовлетворителен). Точка зрения автора ясно определяется заглавием и в книге выражена эскизно. Ценен обзор социологических теорий и пониманий истории, подразделяемых автором на индивидуалистическое, антропогеографическое, этнологическое, культурно-историческое, политическое, идеологическое и экономическое (рассмотрено наиболее полно и подробно).

31. Ed. Fueter. Geschichte der neueren Historiographie. Berlin, 1911. Подробный обзор историографии на Западе, начиная с эпохи Возрождения. Незаменимое по полноте своей пособие.

32. G. P. Gooch. History and historians in the XIX century. London, 1913. — Дополняет № 31, так как автор касается и современных историков, исключенных Фютером из своего обзора. Ср. чрезмерно-суровый отзыв проф. Е. В. Тарле в Журн. Мин. Нар. Пр. 1913. № 12.

33. Ed. Spranger. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft, Eine erkenntniss - theoretische - psychologische Untersuchung. Berlin, 1905. — Сжато и довольно трудно написанная книга,

предполагающая знакомство с критикуемыми автором взглядами Лампрехта (42—46), Вундта (39), Зигварта (64), Риккерта (70—72), Мюнстерберга и друг.

34. O. Lorenz. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben, I—II, Berlin, 1886, 1891.—Рассмотрены воззрения Шлоссера, Шлецера, Трейчка (III, 19), Дальманна, Риля и др. Весь второй том посвящен Ранке (III, 7).

По русской историографии:

35. **С. М. Соловьев.** Собрание сочинений. Изд. «Общественной Пользы». Здесь имеется ряд статей по русской историографии—«Писатели Русской Истории XVIII в.», «Карамзин», «А. А. Шлецер», «Шлецер и антиисторическое направление»—весьма полезных для первоначального ознакомления с историками XVIII в.

36. **К. Н. Бестужев-Рюмин.** Биографии и характеристики. СПБ. 1882. Далеко не равноценными статьями (что не лишает книги большого значения) помянуты: Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский и Гильфердинг.

37. **М. О. Коялович.** История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 3-е. СПБ. 1901. Самое полное обозрение трудов по русской истории с древнейших времен до работ В. О. Ключевского включительно, изложенное с точки зрения славянофила, каковым считает себя автор. Книга эта служит единственным в своем роде пособием, несмотря на бледность мысли и изложения.

38. **П. Н. Милюков.** Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. 1913.—Автор, «несомненно поступая произвольно», останавливается на пространстве двух последних веков развития русской исторической науки (XVIII и XIX), определяя здесь два периода: практического или этического понимания истории, и развития представления об истории, как науке (т.-е. до Карамзина включительно и от Карамзина до нашего времени). К сожалению, план до конца не выполнен, обрываясь на самом начале второго периода (Чаадаев).

Научно обобщающее (номотетическое) направление.

39. W. Wundt. Logik. 3 Aufl. I—II (в 3-х томах), Stuttgart, 1906 — 08. Обоснование номотетической точки зрения на историю, которую автор склонен считать «прикладной психологией».

40. L. Bourdeau. L'histoire et les historiens. Essai critique sur l'histoire considerée comme science positive. Paris, 1888. Задача истории, по мнению Бурдо, заключается в формулировании «законов постоянной метаморфозы» человеческого общества. Общие взгляды и предпосылки автора отличаются неясностью.

41. **П. Лакомб.** Социологические основы истории. 1895 (=P. Lacombe. De l'histoire considerée comme science. Paris, 1894).—Наиболее систематическое и талантливое изложение научно-обобщающей точки зрения на историю.

41a. Kurt Breysig. Der Stufen-Bau und die Gesetze der Weltgeschichte. Berlin, 1905.

В последнее время весьма оживленная полемика завязалась по поводу выступления в защиту «нового» понимания истории немецкого историка К. Лампрехта.

42. K. Lamprecht. Was ist Kulturgeschichte? в «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», I, 1886.

43. Он-же. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissens haft, 1896.

44. Он-же. Die Kulturhistorische Methode, 1900.

45. Он-же. Moderne Geschichtswissenschaft, 1905.

46. Он-же. Einführung in das historische Denken, 1912.

47. Rothacker. Ueber die Möglichkeit und den Ertrag einer genetischen Geschichtsschreibung im Sinne K. Lamprechts, 1912.

48. **А. А. Малинин.** Старое и новое направление в исторической науке. Лампрехт и его оппоненты. М. 1900.—Попытка разобраться в споре, к сожалению, недостаточно ясная: автор слишком увлекается кажущимися ему существенными деталями. Лучше обратиться к соответствующему отделу № 14.

В русской литературе из работ в защиту научно обобщающего понимания следует отметить:

49. **Р. Ю. Виппер.** Преподавание древней истории и новая историческая наука. М. 1899 («Вестник Воспитания», 1898).

50. **Он-же.** Несколько замечаний о теории исторического познания.—Вопросы Философии и Психологии, 1900. См. выше №№ 20, 28.

51. Проф. **Д. М. Петрушевский.** Очерки из истории средневекового общества и государства. 3-е изд. М. 1913. Введение.—«Задачи и методы науки всеобщей истории».

52. **Он-же.** К вопросу о логическом стиле исторической науки. «Изв. Петрогр. Политехнического Института», XXIV, и отдельно, Петр. 1916.

К научно-обобщающему направлению, с известной точки зрения, надо отнести и так называемый

Исторический материализм.

53. **Масарик.** Философские и социологические основания марксизма. 1900. Здесь же довольно полные указания на литературу.

54. E. Hammacher. Das System des Marxismus, Leipzig, 1909.

55. **Бронштейн.** Исторический материализм. Сборник статей Энгельса, Каутского и др.

56. Achille Loria. La teoria economica della constituzione politica, 1886. (Немецк. перев.—Die wirtschaftlichen Grundlagen der herrschenden Gesellschaftsordnung, 1895).

57. A. Labriola. Essai sur la conception matérialiste de l'histoire, 1897.

58. **Л. Вольтманн.** Исторический материализм. 1901.

59. **Бельтов** (Г. Плеханов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. 4-е изд. 1907 (последн. изд. М. 1919).

60. **Ю. Делевский.** Исторический материализм в его логической аргументации. 1906.

61. **Он-же.** Экономический материализм и история науки. 1907.

62. **Он-же.** Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. 1910.

63. **Н. И. Кареев**. Старые и новые этюды об экономическом материализме. Собр. соч., т. III, СПБ. 1913.

См. выше №№ 14, 20, 29 (рассматривается только учение Маркса), 30.

Идиографическое направление.

64. Chr. Sigwart. Logik I—II, 3 Aufl. 1904. Русский перевод Давидова-Зигварт. Логика, I—III, СПБ. 1909. Написан исключительно тяжелым и неудобопонятным языком, что для лиц, хоть немного знающих немецкий язык, делает предпочтительнее оригинал.

65. W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Versuch einer Grundlegung für das Studium der Gesellschaft und der Geschichte I, Leipzig, 1883.

66. Он-же. Studien zur Grundlegung der Geisteswissenschaften в Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1905.

67. Он-же. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. 1910.

Дильтей проводит резкое различие между условиями познания природы и естествознанием, с одной стороны, и условиями познания духа и «науками о духе»—с другой. В науках о духе познаваемый объект непосредственно переживается, «понимается прежде, чем познается», и цель историка—«в познании социально-исторической действительности». Историку существенно не общее, а единичное, отличное, что он «переживает» или «понимает». В историческом процессе мы имеем дело с «объективацией» духа; в нем образуются цели и создаются ценности, постигаемые лишь созидающим духом. Но для Дильтея, решительно отклоняющего всякую метафизику, изучение истории представляется перенесением в нее полноты переживаний познающего. Отсюда, по его мнению, и проистекает тот факт, что история представляет собою царство целей и самоопределения человечества, создающих ее единство.

68. A. Naville. Nouvelle classification des sciences. Paris, 1901.

69. **В. Виндельбанд.** История и естествознание. В сборнике «Прелюдии», перев. С. Л. Франка. СПБ. 1904. Удобно, как введение к изучению идиографической теории.

70. **Г. Риккерт.** Науки о природе и науки о культуре. Перев. со 2-го изд. под ред. и с предисловием С. О. Гессена. СПБ. 1911.—Наиболее сжатое и завершенное изложение воззрений Риккерта, являющееся и самым удобным для ознакомления с его теорией. Во вступлении редактор знакомит с главными из господствующих взглядов на историю.

71. **Он-же.** Границы естественно-научного образования понятий. Пер. Водена. СПБ. 1905.—Основной труд автора по теории истории. Новое переработанное нем. изд. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 1913.

72. **Он-же.** Философия истории. Пер. С. О. Гессена. СПБ. 1908.

73. **М. Рубинштейн.** Генрих Риккерт. Вопросы Философии и Психологии». 1907.

74. **Ф. Софронов.** Генрих Риккерт и его книга «Границы естественно-научного образования понятий. Там же, 1905.

75. W. Humboldt. Ueber die Aufgabe des Geschichtsschreibers. 1820/21. (Gesammelte Werke, I, Berlin, 1841). Несмотря на свою краткость, одна из замечательнейших и самых глубоких статей по теории истории, понимаемой идиографически.

76. **П. Л. Лавров.** Исторические письма. 1-е изд. 1870 г. 4-е изд. СПБ. 1906.

77. **С. С. Арнольди** (П. Л. Лавров). Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М. 1898. Ср.—

78. **Н. И. Кареев.** Один из последних историко-философских трудов П. Л. Лаврова. Собр. соч., т. II, СПБ. 1912 и

79. **Он-же.** «Теория личности» П. Л. Лаврова. Там же.

80. **Б. Кистяковский.** Русская социологическая школа. В сборнике «Проблемы идеализма». СПБ. 1902.

С текущею литературою по теоретическим вопросам истории можно знакомиться по выходящему под редакцией Анри Берра (H. Berr), журналу «Revue de synthèse historique». Подробная библиография приводится также в «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft» (с XII т., 1889 г.), «Historische Zeitschrift»

«Revue historique». По-русски см. «Русская литература по всеобщей истории. Библиографический обзор под редакцией Д. Н. Егорова», с декабря 1911 по декабрь 1914 г. в «Русской Мысли» и отдельно: вып. I, 1913 г.; вып. II, 1914; вып. III, 1915; с 1916 г. в «Исторических Известиях». К даваемым здесь кратким характеристикам следует относиться с осторожностью.

III.

В этом отделе мы приводим краткий перечень избранных классических трудов по истории, отдавая себе отчет в некоторой субъективности выбора. Знакомство с классиками истории необходимо для всякого, серьезно занимающегося историей, но само собой разумеется, что выбор им тех или иных трудов зависит от его личных интересов к той или иной эпохе, а часто и от случайностей. Отметим, что знакомство с классическим трудом не должно и не может заменить собою научного изучения данной эпохи или данного вопроса: необходимо всегда считаться с неизбежными ошибками, односторонностями и частичной устарелостью самых крупных исторических произведений. Нужные для научной работы по данному отделу или вопросу указания занимающийся может найти в соответствующем выпуске издаваемой серии. Здесь приводятся лишь краткие библиографические указания о цитируемых писателях, могущие быть без труда дополненными по №№ II, 30, 31, 32, 34, 37. Но, если изучение того или иного из приводимых классических трудов часто и не может служить целям систематически-научного изучения рассматриваемых в нем вопросов, оно обладает иным, не меньшим значением. Оно вводит читателя в знакомство с историческим методом и научает обладанию им, в то же время давая конкретный материал для понимания и оценки теоретических и методологических вопросов, которым посвящен этот выпуск. Очевидно, что теория истории лишь тогда обладает правом на существование, когда оказывается более или менее сознательно применяемой теорией мастеров исторической науки.

1. Edward Gibbon (1737—1794). History of the Decline and Fall of the Roman Empire. 1-е изд. London, 1773—1788. Новое издание под ред. J. B. Bury, I—VII, London, 1909 сл. Русский перевод: **Гиббон.** История упадка и разрушения Римской Империи, I—VII. М. 1880—86.

2. George Grote (1794—1871). History of Greece, т.т. I—XII (1846—56). Немецкий перевод в 6 т.т. (2 изд., 1880). Перевода труда Грота на русский язык не имеется; есть несколько статей, написанных по поводу или на основании труда Грота: Отечественные Записки 1857, т. 114, № 10, отд. I, стр. 577 — 612. Русское Слово, 1861, №№ 1—2. П. Леонтьев. Мифическая Греция и Италия. Пропилеи, т. II, отд. 2, стр. 1—99. Историческая Греция. Время до Персидских войн. Пропилеи, т. III. **В. Васильевский.** Взгляд Грота на историю Афинской демократии. Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, ч. 134, № 4. стр. 87—145.
Ср. R. Pöhlmann. Zur Beurteilung Georg Grote und seiner griech. Gesch.—Aus Altertum und Gegenwart. München, 1895. B. II. Бузескул. Введение в историю Греции, 3 изд. Петр. 1915, стр. 270—280.

3. B. G. Niebuhr (1776—1831). Römische Geschichte, 3 т.т. (I т., 1811 г., 3 изд. 1828; II т. 1812, 2 изд. 1830; III т. 1832). Ср. Классен. Нибур, его жизнь и деятельность. Пер. с нем. Л. О. Вейнберга. Москва. 1894. Т. Н. Грановский. Б. Г. Нибур. «Отеч. Зап.», 1841, т. XIV (собр. соч., т. I); Чтения Нибура о древней истории. Пропилеи, т.т. III—V (=собр. соч., т. II). И. В. Нетушил. Краткое обозрение разработки римской истории. Харьков. 1916, стр. 4—7.

4. Aug. Boeckh (1785—1867). Die Staatshaushaltung der Athener (1817; 9 изд. 1886) Ср. Москвитянин, 1851, №№ 19, 20. П. М. Леонтьев, Пропилеи, т. III. M. Hoffmann, A. Boeckh, Lebensbeschreibung und Auswahl aus seinem wissenschaftlichen Briefwechsel, 1901. В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, 3 изд. Птгр. 1915, стр. 245—254.

5. Jules Michelet (1798-1874). Histoire de France (1833-43).
Он-же. La Révolution française (1847—1853).
Он-же. Renaissance et temps modernes (1855—1862).
Он-же. Précis de l'histoire moderne (1827). Новое издание с этюдом G. Monod, 1898.

Русские переводы:

Ж. Мишле. Обозрение новейшей истории (1838).

Он-же. Краткая история Франции (1838).

Он-же. История XIX века (1883—84).

Готовится перевод избранных сочинений Мишле в издании «Всемирной Литературы».

Ср. G. Monod. Les Maîtres de l'histoire, 1894.

Он-же. Jules Michelet, 1905.

В. И. Герье. Народник во французской историографии. «Вестник Европы», 1896.

6. Thomas Carlyle (1795—1881). The French Revolution, a History (1737).

Он-же. Letters and Speeches of Oliver Cromwell (1845—46).

Русский перевод:

Т. Карлейль. Французская Революция, 1907.

Ср. J. Nichol. Thomas Carlyle, 1892 (Englisch Men of Letters).

Яковенко. Т. Карлейль («Жизнь замечательных людей», изд. Павленкова).

7. Leopold von Ranke (1795—1886). Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI und XVII Jahrh. 1834 (=Sämmtl. Werke. B. 37—39, под заглавием: Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten, с добавлением о Ватиканском соборе 1878 г.).

Он-же. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, I—VI (1839—47 = S. W., 1—6).

Он-же. Geschichte Wallensteins, 1869 (6-е изд. 1910).

Он-же. Epochen der neueren Geschichte (= Weltgeschichte IX, 2, 1888).

Русские переводы:

Леопольд Ранке. Римские папы в последние четыре столетия, I—II, 1874.

Он-же. Об эпохах новой истории. Перев. И. И. Шитца, с предисл. проф. П. Г. Виноградова. М. 1898.

Ср. A. Winkler. Leopold von Ranke, Lichtstrahlen aus seinen Werken. Berlin, 1885.

B. v. Simson. Ranke und seine Schule, 1895.

O. Lorenz. см. II, 34.

8. J. G. Droysen (1808—1884). Geschichte des Hellenismus, 3 т.т., 2 изд. 1877—8. Фр. пер. под ред. Буше-Леклерка, 1883—5. С франц. перевода сделан русский перевод (История эллинизма, М.). Ср. В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. 3 изд. Птр. 1915, стр. 264—270.

9. Georg Waitz (1813—1886). Deutsche Verfassungsgeschichte, 1844—1878. (I—III в 3 изд. 1879—83, т. VI, 1884).

Ср. П. Г. Виноградов в «Критическом Обозрении», 1879, 6.

Ф. Фортинский. Научно-историческая деятельность Г. Вайца, в «Киевск. Унив. Известиях», 1879, 5.

G. Monod. G. Waitz et le séminaire historique de Goettingue в «Portraits et Souvenirs», 1897.

10. Thomas Babington Macaulay (1800-1859). History of England from the Accession of James II, I—X (1849—61). Новое издание Firth'a, 1914.

Он-же. Critical and Historical Essays, I—V.

Русские переводы:

Т. Маколей. Полное собрание сочинений, т. I—XV, изд. Н. Тиблена. СПБ. 1860—66. Т. I. Критические и исторические опыты. 2-е изд., 1865; т. VI. Исторические статьи, 2-е изд. СПБ. 1866.

Ср. J. Morison. Macaulay, 1882 (Engl. Men of Letters).

Вызинский. Лорд Маколей, его жизнь и сочинения. СПБ. 1860.

Погодин. М., как историк. «Историч. Обозрение», т. I.

11. Theodor Mommsen. Römische Geschichte. I—III, V. 1854—54, 2-е изд. 1856, V т. Die Provinzen von Caesar bis Diokletian, 1885. Специальные дополнения к R. G.—«Römischen Forschungen» (1864—1879).

Он-же. Römisches Staatsrecht, 3 тт. в 5 отделах (I и II тт., 3 изд. 1887; III т. 1889).

Русские переводы:

Т. Моммзен. Римская история, I—III, V. Перев. В. Неведомского и Н. Ахшарумова. М. 1885 сл.

Н. Шамонин. История римской республики по Моммзену. 2-е изд. М. 1909.

Римская история, изложенная по Моммсену Н. Д. Чечулиным, изд. 2, Птгр. 1914.

См. L. M. Hartmann. Theodor Mommsen, 1908.

C. Bardt. Th. Mommsen, 1903.

М. И. Ростовцев. Теодор Моммзен. — «Мир Божий», 1904, кн. 2.

М. М. Хвостов. Т. М. «Научное Слово», 1904, 1.

12. Alexis de Tocqueville.[1] (1805—1859). L'Anciên Régime et la Révolution, 1856 (= Oevres compl. v. IV, 1887).

Он-же La Démocratie en Amèrique, 1835—1840.

А. Токвиль. Старый порядок и революция. Пер. под ред. П. Г. Виноградова. М. 1896.

Он-же. Старый порядок и революция. Пер. В. К. Панченко, под ред. Э. Д. Гримма. СПБ. 1906.

13. Jacob Burckhardt (1818—1897). Die Zeit Constantins des Grossen, 1853.

Он-же Die Kultur der Renaissance in Italien, 1860. Начиная с 3-го издания, этот труд выходит с дополнениями L. Geiger'a; 8-е изд. 1901 г.

Русский перевод:

Яков Буркгардт. Культура Италии в эпоху Возрождения, I—II. Перев. С. Бриллианта с 8-го изд. СПБ. 1905, 1906.

См. Gothein в Preussische Jahrbücher, 1897, B. 90.

14. E. Rénan (1823—1892). Les Origines du Christianisme, I—VIII, 1863—1883. Histoire du peuple d'Israel, (1887—1892).

Э. Ренан. Жизнь Иисуса. Пер. без пропусков и с примечан. А. и Ю. Полетика. СПБ. 1907; перев. Е. В. Святловского. СПБ. 1906; пер. А. С. Усовой. СПБ. 1906.

Он-же. Апостолы. Пер. Ф. Н. Латернера. СПБ. 1907; пер. с 11 изд. Е. В. Святловского, СПБ. 1907.

Он-же. Апостол Павел. Перев. с 14 изд. В. Кауфмана, СПБ. 1907; перев. Ф. Н. Латернера, СПБ. 1907; СПБ. 1909.

Он-же. Антихрист. Перев. с 9-го изд. В. Кауфмана, СПБ. 1906; перев. Е. В. Святловского. СПБ. 1909.

Он-же. Марк Аврелий и конец античного мира. Перев. Л. Я. Гуревич. СПБ. 1906.

Он-же. История Израильского народа, I—II. Изд. Брокгауз-Ефрон.

Он-же. Собрание сочинений, под ред. В. Н. Михайлова, в 12 т.т. Киев. 1902.

См. G. Monod. Les maîtres de l'Histoire, 1894. G. Sorel. Le Système historique de Rénan, 1906. Годлевский. Э. Ренан. («Жизнь замечат. людей»).

15. H. Taine (1828—1893). Les Origines de la France contemoraine. I. L'Ancien Régime (I v.), II. La Révolution (v. I-III), III. Le Régime moderne (v. I-II), 1876—1894.

Русские переводы:

И. Тэн. Происхождение современной Франции. 1—5, СПБ. 1907. Изд. «Вестн. Иностр. Литературы» (полный, но плохой перевод).

Он-же. История французской революции, I—II, Харьков. 1907—1915. (Изд. журн. «Мирный Труд»).

Он-же. Происхождение общественного строя современной Франции, ч. I, СПБ. 1880.

Ср. G. Monod. Les Maîtres de l'Histoire, 1894. Giraud. Essai sur Taine. 4 éd. 1909. Нападки на Тэна, как историка революции.—P. Aulard, Taine historien de la Révolution française, 1907; L. Lacour. La Révolution française et ses detracteurs d'aujourd'hui, 1909. Ср. A. Cochin La crise de l'histoire révolutionnaire, 1909.

В. И. Герье. Ипполит Тэн, как историк Франции — «Вестн. Европы», 1878, 4, 5, 9, 12.

Он-же. Метод Тэна, там же, 1889, 9.

Он-же. И. Т. и его значение в исторической науке, там же, 1890, 1, 2.

Он-же. И. Т. в истории якобинцев, там же, 1894, 9—12.

Он-же. Французская революция в освещении И. Тэна, СПБ. 1911.

Э. Д. Гримм. Политические воззрения И. Тэна, СПБ. 1908.

16. Pasquale Villari (1827—1914). Niccolò Machiavelli e i suoi tempi, v. I—III, 1877—1882; 2-е изд. 1895.

Он-же. Storia di Girolamo Savanarola e de suoi tempi, 1859—61; 2-e ed. 1887.

Он-же. I primi due secoli della storia di Firenze. 2 ed. 1905.

Русские переводы:

Пасквале Виллари. Никколо Макиавелли и его время. Т. I; пер. И. М. Кригеля. СПБ. 1914.

Он-же. Джироламо Саванарола и его время, I—II. Перев. Д. Н. Бережкова. СПБ. 1913.

17. Iohannes Janssen (1829—1891). Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, I-VIII, 1876—1888. Ср. L. Pastor. J. Janssen, 1892.

18. N. D. Fustel de Coulanges (1830—1889). La Cité antique, 1864.

Он-же. Histoire des Institutions de l'ancienne France, I-VI, 1874 сл. Новое издание под редакцией C. Jullian, 1891 сл.

Он-же. Recherches sur quelques problèmes d'histoire, 1885.

Он-же. Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire, éd. par C. Jullian, 1891.

Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. Пер. Н. Н. Спиридонова. М. 1895; перев. Е. Корша, М. 1867.

Он-же. История общественного строя древней Франции, I—VI. Перев. под ред. проф. И. М. Гревса. СПБ. 1901—16.

Он-же. Римский колонат. Перев. под ред. проф. И. М. Гревса, СПБ. 1908.

Ch. Seignobos в Petit de Julleville, Histoire de la Langue et de la Littérature française, VIII, 1899.

П. Гиро. Фюстель де Куланж. Пер. А. Н. Чеботаревской. М. 1898.

19. Heinrich von Treitschke (1834—1896). Deutsche Geschichte, I-V, 1871 сл. Труд доведен до 1848 г. См. M. Lenz. H. v. Treitschke в «Kleine historische Schriften», 1910.

20. Erwin Rohde (1845—98). Psyche, Seelen-Kult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Leipzig, 1894. 4-е изд. Tübingen, 1907. См. O. Crusius, E. Rohde. Ein biographischer Versuch, Leipzig, 1909.

21. **К. Н. Бестужев-Рюмин.** Русская история, т. I—II, изд. 1872 и 1885 г.г.

22. **С. М. Соловьев.** История России, I—XXIX (т.т. I—IV— время до Ивана III; т.т. V—XIV—время до Петра I; т. т. XIV—XIX — Петр.; т.т. XIX — XXI — до 1775, дипломатические сношения до 1780 г.).

Он-же. Собрание сочинений, изд. «Обществ. Пользы».

23. **В. О. Ключевский.** Боярская Дума, 4-е изд. 1909 г.

Он-же. Курс русской истории, I — IV, 1906 — 1910; печатается т. V.

Он-же. Опыты и исследования. Первый сборник статей. Петр. 1919.

Он-же. Очерки и Речи. Второй сборник статей. Петр. 1919.

Он-же. Отзывы и Ответы. Третий сборн. статей. Петр. 1918.

24. **С. Ф. Платонов.** Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII в. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное Время. 1899.

25. **М. А. Дьяконов.** Очерки общественного строя древней Руси до XVII в. 4-е изд. СПБ. 1912.

26. **П. Н. Милюков.** Очерки по истории русской культуры, ч.ч. 1—3. 2-е и 3-е изд., 1898, 1901, 1902.

IV.

В заключение мы приводим перечень преимущественно небольших исследований и, где возможно, источников, которые могли бы служить введением в более детальное ознакомление с приемами исторической работы Такое ознакомление является существенно-необходимым для понимания теоретических вопросов истории, вне зависимости от того, будет ли интересующийся ими заниматься далее историей или нет. Разумеется, для достижения этой цели вполне достаточно двух-трех вопросов по выбору занимающегося, которому мы старались предоставить возможно широкий подбор и по эпохам и по темам. Наиболее удобные для начинающего вопросы и этюды отмечены звездочкой.

Древняя история.

* 1. **Судебник вавилонского царя Хаммураби.** Содержание судебника и оценку его см. у Б. А. Тураева, История древнего Востока, 2 изд. СПБ. 1913, I, 102—121 и в статье И. М. Волкова, Кодекс Гаммураби (Журн. Мин. Нар. Просв. 1909, февраль). Б. А. Тураевым указаны и издания памятника и

главнейшая литература, ему посвященная, из которой отметим статью Dareste'a Le code babylonien (Journal des Savants, 1902), где даны сопоставления судебника со средневековыми «правдами». Перевод судебника в книге И. М. Волкова. Законы вавилонского царя Хаммураби (Культурно-исторические памятники древнего Востока, вып. I), М. 1915.

2. **Загробный мир в представлениях древнейших греков.** Мастерской анализ дан в книге Э. Родэ (см. III 20), 49 — 57; дополнением и обоснованием взглядов, данных в книге, служит статья того же автора « Iekyia», помещенная в его «Kleine Schriften», Tübingen, 1901, II, 255—292. Для первоначального ознакомления с вопросом можно обратиться к книге Ю. А. Кулаковского: Смерть и бессмертие по представлениям древних греков. Киев, 1899, 1—41. Основной источник: 11-я песнь Одиссеи (любое из новых изданий, русский перевод Жуковского).

3. **«Ликургово» законодательство.** В качестве отправного пункта исследования, рекомендуется взять статью Ed. Meyer'a Lykyrgos von Sparta, помещенную в его «Forschungen zur alten Geschichte, Halle, 1892, I, 211—287. Главнейшая литература вопроса указана Е. Г. Кагаровым, «Пособие к лекциям по греческому государственному праву», Харьков, 1917, §§ 8 и 9. Основные источники: Плутарх, Ликург (изд. Sintenis; русский первод В. А. Алексеева, Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Дешевая Библиотека А. С. Суворина, СПБ. 1891—2, т. I, вып. 2). Геродот, I, 65, VI, 51 сл. (издание Hude, Oxford; перевод Ф. Г. Мищенка, М. 1888, 2 издание), Ксенофонт, Лакедемонская полития (издание Marchant, Oxford; перевод главных отрывков в хрестоматии: Д. А. Жаринов, Н. А. Никольский, С. И. Радциг и Б. Н. Стерлигов, Древний мир в памятниках его письменности. Часть II. Греция, М. 1917, 89 сл.), Аристотель, Политика, II, 6 (издание O. Immisch, Leipzig, Teubner; перев. С. А. Жебелева, СПБ. 1911, 72 сл.).

*4. **Кризис афинской демократии в конце V в. до Р. Хр.** Обстоятельное изложение в книгах В. П. Бузескула: «История афинской демократии», СПБ. 1909, 328 — 387, и «Афинская Полития Аристотеля, как источник для истории го-

сударственного строя Афин». Харьков, 1895, 379—402. Остальную литературу см. в ук. соч. Е. Г. Кагарова, § 17. Основные источники: Фукидид, VIII, 49, 53—56, 63—71, 89—93, 97—98 (издание С. Hude, Leipzig, Teubner; перевод Мищенка-Жебелева, М. 1915, т. II), Аристотель, Афинская полития, 29—41 (издание Sandys'a, London 1812; перевод Н. Я. Шубина, СПБ. 1891, или А. М. Ловягина, СПБ. 1895). Ксенофонт, Греческая история (Hellenica) кн. I и II (издание Marchant'a, Oxford, перевод Янчевецкого, Митава, 1879; главные отрывки переведены в ук. хрестоматии Жаринова и др., 306—317).

5. **Образование второго афинского морского союза.** Новейшее исследование F. H. Marschall. The Second Athenian Confederacy, London 1905; капитальное исследование G. Busolt. Der zweite athenische Bund, 1874. Для первоначального ознакомления полезно проштудировать Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, (Stuttgart, 1902), 380 сл. Белов, История Греции, М. 1905, II, 139 сл. Основной источник (документальный): афинская надпись 378/7 г. Обстоятельнее всего она издана с исчерпывающими объяснениями в сборнике Dittenberger'a Sylloge inscriptionum graecarum, 2-е изд. Lipsiae, 1898, № 80. Перевод надписи дан в ук. хрестоматии Жаринова и др., 383 сл.

6. **Социальная революция в Спарте в III в. до Р. Хр.** Полезно начать изучение вопроса с чтения прекрасной книги В. Г. Васильевского Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка, СПБ. 1869 (особенно главы III и VI), а затем перейти к новейшим исследованиям De Sanctis'a. Questioni politiche riforme sociali в «Rivista internazionale di scienze sociali» IV, 1894, Beloch'a «Griechische Geschichte, III, I, 328 сл.; 646 сл. и R. Pöhlmann'a «Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus, I (2 изд.) 425 сл. 480 сл. (Перевод книги Пельмана (с 1-го издания)— История античного коммунизма и социализма (Общая история европейской культуры, изд. Брокгауз-Ефрон, II, СПБ. 1910, 460—488). Основные источники: История Полибия (издание Büttner-Wobst'a или Hultsch'a пер. Ф. Г. Мищенка, М. 1890 сл.), биографии Плутарха «Агис» и

«Клеомен» (издание Sintenis'а пер. В. А. Алексеева указ. выше, т. III, в. 2).

* 7. **Битва при Каннах.** Т. Моммсен, Римская история. М. 1897, I, 599—609. H. Delbrück. Geschichte der Kriegskunst, 281 сл. Основные источники: История Полибия, III, 110—117 (изд. и перевод Полибия указ. выше), история Тита Ливия, XXII, 43—49 (изд. Weistenbern'а или Zingerle, пер. под редакцией П. Адрианова, т. III, М. 1896).

* 8. **Заговор Катилины.** Т. Моммсен, Римская история, III, 145—164. E. Von Stern. Catilina und die Parteikämpfe in Rom, 1883. G. Boissier. La conjuration de Catilina, Paris, 1905. Основные источники: Саллюстий, Заговор Катилины (изд. Mauerenbrecher, Leipzig, 1893, перевод Н. Б. Гольденвейзера, в «Памятниках мировой литературы», изд. Сабашниковых, М. 1916), Цицерон, Речи против Катилины (пер. В. А. Алексеева, т. I, СПБ. 1901).

9. **Гораций и его время.** Под таким заглавием имеется хорошая книга Н. М. Благовещенского, 2 изд., Варшава, 1878. Полезно прочитать статьи В. И. Герье: Август и установление Римской империи, в «Вестнике Европы», 1877, №№ 6, 7, 8. Основной источник: стихотворения Горация (изд. L. Müller'а, перевод А. Фета, 2 изд. СПБ. 1898).

* 10. **Римские женщины по Тациту.** Талантливая работа под таким заглавием принадлежит П. Н. Кудрявцеву. Она была напечатана в сборнике «Пропилеи», затем вышла отдельно (3 изд., М., 1875), вошла также в I т. сочинений Кудрявцева (М., 1887). В качетве дополнения к ней можно прочитать Г. Буассье: Римские женщины, их воспитание и положение в обществе. СПБ. 1875. Основной источник: сочин. Тацита изд. Nipperdey, пер. В. И. Модестова, 2 т.т., СПБ. 1886—87).

11. **Марк Аврелий и его миросозерцание.** E. Rénan. Marc-Aurèle et la fin du monde antique, P. 1883. (5 изд., русский перевод: Ренан, Марк Аврелий и конец античного мира, пер. Л. Я. Гуревич, СПБ. 1906). H. Taine. Marc-Aurèle, статья в сборнике Nouveaux essais de critique et d'histoire, стр. 249—261. C. Martha. Les moralistes sous l'empire romain, Paris 1883, 171—214. (перевод: К. Марта, Философы и поэты-моралисты во времена римской империи, М. 1879, 175—219). Основной источник:

сочинения M. Аврелия (изд J. H. Leopold, Oxford, 1908. пер. С. Роговина—Марк Аврелий. Наедине с собой размышления в «Памятниках мировой литературы», изд. Сабашниковых, M. 1914).

12. **Рождество Христово.** H. Usener, Geburt und Kindheit Christi в его «Vorträge und Aufsätze», Leipzig, 1907. 159—188. Для ориентировки см. С. А. Жебелев, Евангелия канонические и апокрифические, СПБ. 1919. Основной источник: Евангелие от Матфея, гл. I, 18—II, от Луки, гл. II.

Средние века и Новое Время.

* 13. **Германская дружина.**—Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции, т. V. Начала феодального строя, СПБ. 1910, гл. II. Был ли германский «comitatus» зародышем феодальных институтов? стр. 15—37 (франц. текст 2-го издания, 1900 г., p. 12—30). Главный источник Тацит, наиболее важные тексты которого в оригинале и переводе приведены у Ф. де К. Однако, необходимо обратиться к тексту самого Тацита (Taciti De origine, situ, moribus ac populis Germanorum liber, ed. G. Egelhaaf, Gotha 1885. K. Müllenhoff, C. Taciti libellum, Berlin, 1873 и др. издания) особенно к главам 13—15. Перевод, не передающий достоинств подлинника, см.—«Средневековье в его памятниках, сборник переводов, под ред. Д. Н. Егорова», № 1, стр. 1 сл., а также в переводе сочин. Тацита проф. Модестова. Поправки в построение Ф. де К. можно внести с помощью одного из следующих трудов:

R. Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 5 Aufl. Berlin, 1905, § 6, стр. 33—36, где указана литература; H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, I (2-e Aufl.) Leipzig, 1906, § 19, стр. 180—195. Новое исследование—Guilhiermoz Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen-Age, Paris, 1902.

14. **Варварские Правды.** В. М. Филиппов. Процесс виндикации движимостей по варварским правдам. Статья в «Сбонрке в честь Владимирского-Буданова», Киев, 1904. — Поучительное сопоставление «германских правд»

с «Русской Правдой». Большинство текстов анализировано в статье. Тем не менее, надо обратиться к источникам: к «Салической Правде» (изд. в «Monumenta Germaniae Historica», затем изд. Geffcken'a с указанием литературы и, особенно удобное в данном случае, в виду приведения в примечаниях параллельных мест из других «правд», изд. Егорова («Lex Salica», изд. и ком. Д. Егоров, Киев, 1906) и иным варварским правдам (изд. Monum. Germ. histor, ad usum scholarum), что может быть заменено одним изданием Егорова. Перевод «Салической Правды» издан Муравьевым и Грацианским. Казань, 1913. «Русская Правда» удобнее всего в издании В. И. Сергеевича. СПБ. 1904.

15. Критика источника.—Capitulare de villis.

См. A. Dopsch. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit; I, Weimar, 1912, § 2, стр. 25 сл. Здесь дан блестящий критический анализ источника и указана литература. Н. П. Грацианский. К критике Capitulare de villis, Казань, 1919 (Извест. О-ва Археол. Ист. и Этногр. при Казанск. Ун-те, т. XXX). Лучшее издание капитулярия.—K. Gareis. Die Landgüterordnung Kaiser Karls des Grossen. Berlin, 1895, с введением и примечаниями. Отрывки переведены в сборн. «Средневековье» (см. № 13), стр. 37 сл.

16. **Образование папского государства.** E. Caspar. Pippin und die römische Kirche. Berlin, 1914 (поучительное по приемам и тонкости, но неудавшееся в общем исследование, написанное очень трудно)P. Kehr. Die sogenannte Karolingische Schenkung von 777 в Historische Zeitschrift, XXX, 1893. Он-же в Göttinger gelehrte Anzeigen, 1895 стр. 694 сл., 1896, стр. 128 По русски: Вязигин. Идеал Града Божьего и монархия Карла Великого, СПБ. Источники удачно подобраны у Haller, Die Quellen zur Geschichte der Entstehung des Kirchenstaates. Berlin, 1907. Для первоначального ознакомления с вопросом можно указать на L. Duchesne. Les premiers temps de l'État pontifical, 2-e éd. 1904.

* 17. **Дар Константина.**—Издано у Haller'a (см. предыд. №), стр. 241 сл.—Scheffer-Boichorst Neuere Forschungen über die Konstantinische Schenkung в Mitteilungen des Instituts

für österreichische Geschichte, X—XI (1889—1890=Gesamm. Schriften, I), образцовое, подводящее итог длительной полемике исследование. Ср. H. Böhmer в Hauck, Realencyklopedie für protestantische Theologie und Kirche, XI (1902).

* 18. Julien Havet. Questions Mérovingiennes. P. 1896. (I. La formule: N rex francorum v. inl. 2. Les découvertes de Jérome Vignier. 3. Les Chartes de Saint-Calais. 4. Les origines de Saint Denis).—Образцовые специальные этюды.

* 19. **Иммунитет.**—Фюстель де Куланж, цит. в № 13 сочинение, гл. XVI, стр. 425—537 (франц. текст, стр. 336 — 430). Тексты указаны, а главные переведены и приведены у Ф. де К. Для ознакомления с современным состоянием вопроса см. Kroell. L'immunité franque. P. 1910 и G. Seeliger. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. Untersuchungen über Hofrecht, Immunität und Landleihen. Leipzig. 1903.

* 20 **Византия.**—В. Г. Васильевский. Византия и Печенеги (1048—1094). Труды В. Г. В., т. I, СПБ. 1908. Изд. Академии Наук.

21. **Византия и Русь.** В. Г. Васильевский. Жития св. св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.—Труды В. Г. В., т. III, СПБ. 1915.—Образцовое исследование, требующее от читателя знания греческого языка.

22. **Происхождение немецких городов** — F. Keutgen. Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung. Leipzig, 1895 (удобнее всего для начала занятий). R. Sohm. Die Entstehung des deutschen Städtewesens. Lpz., 1890. G. v. Below. Kritik der hofrechtlichen Theorie mit besonderer Rücksicht auf die städtischen Verhältnisse в Histor. Zeitschrift, 1901 (Русский перевод в приложении к нижеупоминаемой книге Белова Городской строй). Он-же. Die Entstehung der deutschen Stadtgemeinde, 1889. Он-же. Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung, 1892. Seeliger, упомян. под № 19 книга и статья: «Handwerk und Hofrecht» в Historische Vierteljahrschrift, 1913, H. 4. Чрезвычайно поучителен анализ теорий городского строя, даже без обращения к источникам. Он облегчается незначительной величиной всех указанных книг, за исключением Зеелигера, но требует известной подготовки и критического отношения. Для

самого первоначального знакомства с вопросом см. Г. Белов, Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. Перевод под редакцией и со вступительной статьей проф. Д. М. Петрушевского (Возникновение городского строя средних веков. Очерк теорий), М. 1912. Удобнейший сборник источников F. Keutgen Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1901.

23. **Средневековая автобиография.** Petri Abaelardi Historia calamitatum.—V. Cousin, Ouvrages inédits d'Abélard. Paris, 1836, так-же Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina, т. 178. Русский перевод—Пьер Абеляр. История моих бедствий, перевод с латинского П. О. Морозова под редакцией, с введением и примечаниями проф. А. Трачевского СПБ. 1902 (в серии «Ряд исторических романов). Здесь же переведены 2 стихотворения Абеляра и связанные с темою «Истории бедствий» письма его, Элоизы и аббата клюнийского Петра. К сожалению, перевод искажен бесвкусными заглавиями глав («Женское сердце», «Покаяние невинной» и т. п.) и таким же введением. Ср. А. Гаусрат. Средневековые Реформаторы. Перев. под ред. Э. Л. Радлова СПБ. 1900 т. I. Ch. Rémusat, Abélard. P. 1845. Deutsch, Peter Abölard 1902.

23a. **Парижский Университет.**—Denifle, Die Universitäten des Mitelalters bis 1400, Berlin, 1885. Hastings Rashdall, The Universities of Europe in the Middle Ages, 1895. A. Luchaire, L'Université de Paris sous Philippe-Auguste, P. 1899. До сих пор не утратила значения старая книга—Ch. Thurot, De l'organisation de l'enseignement dans l'Université de Paris, P. 1850. Главные источники у Denifle et Chatelain, Chortularium Universitatis Parisiensis, I—II, P. 1889—91 (источники с 1200—1350 г.), с учеными введениями и примечаниями. Для XIV и XV века см. издание тех же авторов—Auctarium chartular. Univ. Paris, I, P. 1894; II, там же, 1897. Для первонаяальной ориентировки в вопросе см. ст. В. Ивановского Народное образование и университеты в средние века в «Кн. для чтения по истор. Ср. Век» под ред. проф. Виноградова в. II, М. 1915. и Н. Сперанский, Очерки по истории народной школы в Западной Европе, М., 1896.

24. **Ересь вальденсов.**—Л. П. Карсавин. Вальденсы до 1218 г., в «Историч. Обозрении», т. XIX. Главный источник— Рескрипт ересиархов 1218 г. в издании Д. Н. Егорова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911, 8). Этим и можно ограничиться. Для дальнейшего знакомства с вопросом см. образцовое исследование Мюллера Die Waldenser und ihre einzelnen Gruppen. Gotha, 1886. Л. П. Карсавин. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII в. СПБ. 1912, и отзыв о сочин. А. Г. Вульфиуса Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. Петр. 1916 (Журн. Мин. Нар. Просв., 1916, 10).

* 25. **Великая Хартия Вольностей.** — William Sharp Mc Kechnie. Magna Carta. A Commentary on the Great Charter of king John. 2 ed. 1914. Превосходное введение издателя. По-русски хартия вместе со связанными с нею текстами переиздана и переведена в брошюре проф. Д. М. Петрушевского. «Великая хартия вольностей». М. 1915. Переводу предпосланы две вводных статьи. Ясинский. История Великой Хартии в XIII ст.

26. **Макиавелли** (Политические теории XVI в.):—P. Villari Niccaló Machiavelli (см. II, 16) и русский перевод т. I. (см. там же). L. Dyer, M. and the modern state, 1905. Кн. Е. Трубецкой Политическое миросозерцание эпохи возрождения. П. Новгородцев М. в «Книге для чтения по истории средних веков» Виноградова. Источник—«Il Principe» Макиавелли (изд. Arthur Burd'a, Oxford, 1891 с примечаниями и введением лорда Актона; русск. переводы: Н. Курочкина «Государь и рассуждения на первые 3 декады Ливия», СПБ. 1869, и Фед. Затлера «Монарх», СПБ. 1869)

*27. **Крестьянская революция 1525 г. в Германии.** Источники по истории немецкого крестьянского движения этого периода переведены и снабжены вступительными замечаниями и указаниями на литературу проф. А. Н. Савиным в «Источниках по истории Реформации», в. I. М. 1906.

* 28. A. de Tocqueville, L'Ancien Régime см. III, 9: (там же указаны русские переводы). Следует сопоставить с I т. Тэна (III, 15).

* 29. **Г. Еллинек.** Декларация прав человека и гражданина. Перев. под ред. А. Э. Вормса, 3-е изд.—Статья автора и перевод «декларации» и параллельных текстов из северо-

американских деклараций. Оспаривает теорию Еллинека W. Reess. Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechten. Beiträge zu ihrer Entstehungsgeschichte. 1912. **Г. Гурвич.** Руссо и декларация прав. Птгр. 1918 (подробное указание литературы вопроса).

30. W. Busch Die Berliner Märztage von 1848 (=Historische Bibliothek, 7). Очень небольшая книжка, посвященная анализу мартовского переворота в Берлине. Работу Буша следует сопоставить с книгой Рахфаля, посвящающего значительную часть своего труда мартовской революции, но берущего вопрос на более широком историческом фоне. — F. Rachfahl. Deutschland, König Friedrich Wilhelm IV und die Berliner Märzrevolution. Halle, 1901.

Русская история.

* 31. **Образование русского государства.**—А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПБ. 1908. М. Грушевський. История Украины-Руси, т. I. Источники см. у Грушевского в приложениях и «Повесть временных лет» (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам).

32. **Земские соборы древней Руси.**—В. О. Ключевский. Состав представительства на земских соборах (1-й сборник статей, см. № III, 19). Источники.—Акты земских соборов в изд. Н. Н. Клочкова.

33. **Смутное время.**—С. Ф. Платонов. «Очерки по истории смуты» (III, 20) и «Древнерусские сказания и повести о смутном времени», СПБ. 1913. Источники—XIII т. Русской Исторической Библиотеки; 2-е изд. 1909 г.

34. **Канонизация святых.** Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. СПБ. 1894. В. Васильев. История канонизации русских святых. М. 1893. Источники—Летописи и жития, указанные в исследованиях.

35. **Раскол и Никон.** Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, I—II. Сергиев Посад, 1909 и 1912. Источники—Н. Субботин. Материалы для истории

раскола и XXIV т. Летописей и занятий Археографической Комиссии, СПБ. 1912.

36. **Прикрепление крестьян.**—В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России (1-й сборн. статей, см. III, 19). М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения Московского Государства (XVI—XVII в.). СПБ. 1898. Ср. А. С. Лаппо-Данилевский. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI—XVII в. Отзыв о книге М. А. Дьяконова. СПБ. 1900 (оттиск из «Отчета о XVI присуждении наград графа Уварова).

ИЗДАНИЯ „НАУКИ и ШКОЛЫ".

Введение в Науку. Философия. Под ред. Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова.

Издание, расчитанное на 11 выпусков, ставит себе целью дать сжатые обзоры содержания и руководящие указания книг и статей по следующим отделам философии: Введение в Философию (вып. I), История Философии на Западе (в. II), История философий Востока (вып. III), Метафизика и натурфилософия (в. IV), Гносеология (вып. V), Логика (в. VI), Психология (в. VII), Этика (в. VIII), Эстетика (в. IX), Философия религий (в. X), Философия истории (в. XI).

Вышли в свет:

В. I. Э. Л. Радлов. Введение в философию; в. V. С. А. Алексеев (Аскольдов). Гносеология.

В ближайшее время выходят: в. III. О. О. Розенберг. История философий Востока (посмертное издание под ред. акад. Ф. И. Щербатского), в. VI. С. И. Поварнин. Логика, в. VII. Проф. Экземплярский. Психология, в. IX. Э. Л. Радлов. Этика.

Введение в Науку. История.

Печатаются: в. VI. С. А. Жебелев. Греция; в. X. О. А. Добиаш-Рождественская. Западная Европа в Средние Века; в. XIII. А. Г. Вульфиус. Западная Европа в Новое Время.

Россия и Европа.

Серия монографий под общей редакцией акад. Н. А. Котляревского.

Издание даст ряд монографий о жизни и деятельности писателей и общественных деятелей, которые своими сочинениями или своими деяниями—теоретически или практически отвечали на вопрос—о взаимоотношении, в каком стоит или должна стоять Россия к Западу, об «идеалах» восточных

и западных, об их противоположности или их соглашении. Цель монографий двоякая: осветить самый вопрос, изложить его историю и воскресить лицо, которое об этом вопросе говорило или его решало. Писатель прошлого времени будет представлен, как живое лицо, и труд всей его жизни будет выяснен независимо от того, какое место—первенствующее или нет—намеченный вопрос занимал в его миросозерцании, при условии, конечно, если этот вопрос был писателем решен оригинально, или сильно выражен или глубоко продуман.

Проект серии монографий, под общим заглавием «Россия и Европа»:

Екатерина II, Фон-Визин, Новиков, Радищев, Щербатов, Карамзин. Александр I, Сперанский, Шишков, Декабристы. Николай I, Погодин, Шевырев, Полевой, Н., Чаадаев, Герцен, Бакунин, Белинский, Грановский, бр. Аксаковы, бр. Киреевские, Хомяков, Самарин, Александр II, Чернышевский, Лавров, Народники, Кавелин, Тютчев, «Вестник Европы», Д. Толстой, Победоносцев, Катков, С. М. Соловьев, Бестужев-Рюмин, Народовольцы, Достоевский. Александр III, Данилевский, Страхов, Эпигоны славянофильства, Вл. Соловьев, Михайловский, «Русское Богатство», Ключевский, Плеханов, Крапоткин.

Размер монографий определяется приблизительно в 8—10 печатных листов.
